

INSPIRIA

ФРАНСУАЗА
БУРДЕН

Чужой выбор

INSPIRIA

Франсуаза Бурден

Чужой выбор

Серия «Novel. Чистая эмоция. Романы Франсуазы Бурден»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66117166
Чужой выбор / Франсуаза Бурден; [перевод с французского И.
Волевич].: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-157455-0*

Аннотация

Во Франции в красивом горном шале живут две семейные пары, Люк и Клеманс и Виржил и Филиппина.

Люк владеет автомобильным салоном и мастерской, у Клеманс своя парикмахерская, Виржил – врач-ортопед в клинике, а Филиппина увлечена наукой. Люк и Виржил дружат с детства.

Пары связывают приятельские отношения, они с комфортом делят дом. Но однажды на пороге появляется бывший муж Клеманс, который даже спустя несколько лет не может смириться с разводом. Его появление разрушает идиллию обитателей шалле. С каждым днем прошлое все больше разрушает настоящее. Оказалось, счастье эфемерно. Но за него стоит бороться.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

106

Франсуаза Бурден

Чужой выбор

*Моим дочерям Фабьенн и Фредерике —
самой прекрасной части моей жизни.*

Françoise Bourdin
Le Choix des autres

Copyright © Belfond, un département de Place des Editeurs,
2017

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© Gooze, canadastock, Daniel Pahmeier, Andrejs Kudrjasovs,
Misne, ittisak boonphardpai / Shutterstock.com
Используются по лицензии от Shutterstock.com

Перевод с французского *Ирины Волевич*

Художественное оформление *Виктории Лебедевой*
Москва: Эксмо, 2021. – 384 с.

© Волевич И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

1

Виржил остановился, чтобы перевести дух. Девочка, обхватившая его шею, оттягивала ему руки, но она замерзла, и он не мог опустить ее на снег. Люк, опередивший Виржила, тоже остановился, – видимо, и он выбился из сил. Снег шел густыми хлопьями, скрывая окружающий пейзаж. Они еще никогда не забирались так далеко вместе с двойняшками. Для своих семи лет обе девочки прекрасно катались на лыжах, но сейчас они вконец обессилели. Время шло к вечеру, температура быстро падала, а им никак не удавалось продвигаться быстрее в этой снежной круговерти. Каждый из мужчин нес ребенка плюс его лыжи и палки, и это замедляло их продвижение.

– Ты хоть знаешь, где мы находимся? – спросил Люк, стараясь, чтобы его голос звучал беззаботно.

– Более-менее...

Вокруг все было белó, нулевая видимость.

– Мне холодно, – простонала Эмили.

И Жюли тут же, по привычке, повторила слова сестренки.

– Хотите немножко походить, чтобы согреться? – предложил Люк.

– Нет, папа! – в один голос воскликнули его дочери.

– Ладно, ладно...

Рукой в перчатке он стер снежные хлопья, налипшие на очки, и растерянно огляделся.

– Ну, Виржил, что ты думаешь?

– Нужно только перейти через хребет, а там уже можно спокойно катиться вниз, чуть-чуть забирая влево.

До этого они слегка срезали дорогу, чтобы выиграть время, но теперь, в этой выюге, никак не могли сориентироваться. К счастью, оба были опытными лыжниками, давно освоились в горах и хорошо знали местность.

– Ну конечно, Жу-де-Лу ¹ должна быть в той стороне! – согласился Люк. – А значит, наше шале...

Он повертел головой и замолк. Не будь с ними девочек, они добрались бы до дома гораздо раньше, поэтому отослали женщинам эсэмэску, чтобы успокоить их. Несколькими минутами раньше Виржил почувствовал, как во внутреннем кармане его пуховика завибрировал мобильник, но не смог до него добраться, – держал на руках Эмили. Клеманс наверняка тревожилась за мужа и своих дочерей-двойняшек и уже

¹ Жу-де-Лу (*фр.* Joue de Loup) – букв. Волчья Щека. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

несколько раз пыталась связаться то с ним, то с Виржилом.

– Позвони жене, – посоветовал Виржил. – Я уверен, что она уже начала паниковать.

Люк воткнул палки в снег, стащил перчатки и извлек из кармана мобильник.

– Здесь нет связи, – объявил он через несколько секунд.

– Тогда вперед, не будем задерживаться.

И они продолжили путь по горному склону, с трудом одолевая подъем. Мазь для равнинных лыж не давала им соскользнуть вниз, но все же обоим мужчинам требовались огромные усилия, чтобы двигаться с таким грузом на руках. Виржил уже предвидел, какие упреки ждут их по возвращении домой. Кататься с девочками в местах, где не было трассы, – крайне неудачная затея, он даже не мог объяснить, почему они решили идти на беговых лыжах, свернув с накатанного пути. Правда, сегодня двойняшки устали гораздо быстрее обычного, и мужчинам показалось, что разумнее будет срезать путь. Но тогда снег еще не валил так сильно, да и ветер поднялся позже. Зато теперь все напоминало снежный буран, который метеослужба не предсказывала.

Добравшись наверх, они сделали новую остановку, чтобы передохнуть и посоветоваться.

– Давай-ка я пойду первым, – сказал Виржил, – а ты сменишь меня на середине склона.

Снег по-прежнему валил вовсю, выравнивая рельеф, и им казалось, что они остались одни-одинешеньки в целом ми-

ре, вдали от цивилизации. Они начали осторожно спускаться в этой белой круговерти; Люк старался идти шаг в шаг за Виржилом. Через какое-то время они остановились, чтобы поменяться местами, и молча переглянулись. Они тревожились за двойняшек, — те не двигались и поэтому замерзли сильнее взрослых; видно было, как они дрожат от холода.

— Держитесь, малышки! — подбодрил их Люк.

Девочки цеплялись за шеи мужчин, но у них, несмотря на рукавицы, застыли пальчики.

— Если ты устал, давай бросим лыжи девчонок, — предложил Виржил.

— Да нет, все нормально. Просто мне слегка не хватает тренировок, слишком часто я нежусь у камина... — ответил Люк.

Он пытался шутить, но безуспешно; его лицо осунулось, дыхание со свистом вырывалось из груди.

— Давай-ка я снова буду прокладывать лыжню, — решительно заявил Виржил.

И, повернувшись лицом к склону, начал спускаться первым.

Клеманс нервно ходила взад-вперед под неодобрительным взглядом Филиппины, и та наконец со вздохом произнесла:

— Да успокойся же, они скоро вернутся.

Но Клеманс была слишком встревожена, чтобы слушать ее; подойдя к окну, она стала вглядываться в окрестности шале.

– Господи, а снег все валит и валит, да и темнеет уже!

– Они оба слишком опытные лыжники, чтобы рисковать, особенно сейчас, когда с ними девочки.

– Но ведь можно в любой момент поскользнуться и упасть. Или вдруг пойдет лавина!

– Ну да, или начнется землетрясение, – иронически подхватила Филиппина.

И она пошла на кухню, смежную с холлом, чтобы вскипятить воду.

– Давай-ка выпьем по чашке чая, и вот увидишь, за это время они уже подойдут.

Заодно она подключила айфон к ноутбуку и выбрала одну из своих любимых мелодий.

– В последний раз они звонили уже так давно, – мрачно буркнула Клеманс.

– Ой, перестань! Ты прекрасно знаешь, что в горах связь не всегда надежна. И потом, они вовсе не обязаны докладывать каждые пятнадцать минут. Послушай-ка лучше вот эту группу...

И она увеличила громкость, попутно с сожалением бросив взгляд на свою книгу, оставленную на стойке. Чтение занимало большую часть ее дневного времени; даже когда она готовила еду, у нее под рукой всегда лежала какая-нибудь книга. Но сейчас о чтении и думать было нечего, – ей передавалось беспокойство Клеманс, и лучше было заняться чем-то полезным, а не смотреть с тоской на настенные часы.

Мелодия кончилась, и Филиппина просмотрела на экране смартфона на плейлист, чтобы выбрать еще что-нибудь. Внезапно раздались два резких удара дверного молотка, заставивших вздрогнуть обеих женщин. У Виржила и Люка были свои ключи, они никогда не стали бы колотить в дверь. Клеманс кинулась открывать, предчувствуя несчастье. Она распахнула дверь и в изумлении отшатнулась.

– Что это...

Не договорив, она инстинктивно повернулась к Филиппине, словно искала у нее защиты. Мужчина, стоявший на пороге, криво улыбнулся.

– Можно войти?

На улице, за его спиной, фонари, которые автоматически зажигались с наступлением сумерек, освещали снежные вихри.

– Что... что ты здесь делаешь, Этьен?

Голос Клеманс звучал неуверенно, и весь ее вид говорил об испуге.

– Да вот... вернулся в родные края.

Шагнув вперед, мужчина захлопнул дверь и привалился к ней спиной.

– Мне сказали, что ты обосновалась здесь, ну я и решил зайти, перекинуться с тобой парой слов. Столько времени не виделись... А у вас тут недурно, красивое шале!

Он обвел взглядом просторный, уютный холл с камином, в котором горели дрова. И, подойдя к нему, стал греть руки

у огня.

Это был человек высокого роста, богатырского сложения, с грубыми резкими чертами лица.

– Мы не знакомы, – объявил он, взглянув на Филиппину.

– Этьен – мой бывший муж, – произнесла Клеманс.

Филиппина взглянула на него и молча кивнула, не представившись. Потом прошла за кухонную стойку, словно инстинктивно желала оказаться как можно дальше от незваного гостя. Впрочем, он тут же потерял к ней интерес и распахнул свою плотную кожаную куртку, желая чувствовать себя свободнее. В его поведении было что-то странное, почти пугающее. Он вошел в дом без приглашения и всем своим видом показывал, что намерен здесь остаться.

Девять лет назад Клеманс после долгого, мучительного судебного процесса развелась с Этьеном. Она рассказывала Филиппине о его угрозах, о злобных выпадах, однако не входила в подробности их супружеской жизни и твердила только, что этот человек способен на все, даже на самое худшее. Тот факт, что Этьен вернулся в эти края, не сулил ничего хорошего, тем более что он первым делом все разузнал о Клеманс.

Филиппине вдруг очень захотелось, чтобы смартфон был у нее под рукой, – увы, она подсоединила его к ноутбуку, и он находился за пределами досягаемости.

– А ты совсем не изменилась, – заявил Этьен, бесцеремонно разглядывая Клеманс. – Все такая же миленькая!

Наступила тишина, атмосфера вдруг стала совсем уж гнетущей. Этьен не спускал глаз с бывшей жены и наконец проговорил с хищной усмешкой:

– Я много думал о тебе в последнее время... Мы с тобой неплохо ладили, разве нет? И знаешь, что я понял? Что мне тебя не хватает.

Клеманс, застывшая от ужаса, молчала, а Этьен все так же пожирал ее глазами. Филиппина посмотрела вниз, на кухонную стойку, за которой она укрывалась, бесшумно выдвинула один из ящиков и взялась за ручку разделочного ножа. Так, на всякий случай.

– Ты бы лучше ушел, – сказала наконец Клеманс. – Тебе здесь, у нас, нечего делать.

Ей удалось произнести это достаточно решительно, однако в ответ она услышала лишь презрительный смешок.

– Я что – не могу погреться пять минут у огня? Будь я первым встречным, ты оказала бы мне гостеприимство, а ведь я тебе не чужой... Кстати, скажи мне, куда это подевался твой благоверный?

Клеманс проигнорировала его вопрос, и он обратился к Филиппине:

– И вашего, я смотрю, тоже нет дома?

– А вам какое дело? – отрезала молодая женщина.

Она инстинктивно сжимала рукоятку ножа, прекрасно понимая, что все равно не способна пустить его в ход.

– Ладно... Я слышал, ты, моя Клеманс, завела детишек?

Как подумаю, что от меня ты их не желала!.. Ей-богу, у вас, у баб, мозги набекрень...

И снова этот зловещий смешок, не предвещавший ничего хорошего. Чем же объяснялся его неожиданный приход? И как он повел бы себя, открой ему дверь мужчина? Ведь не мог же он знать, что в доме одни женщины... разве что подглядывал за ними в окна.

– Ну, вот что, уходи, Этьен, – решительно сказала Клеманс, направившись к выходу.

Она распахнула дверь, и в комнату ворвался ледяной ветер. Пламя в камине заколебалось, рассыпая трескучие искры. Этьен, явно растерявшись, чуть помедлил и миг спустя подошел к ней вплотную.

– Ты хотя бы могла предложить мне выпить, прояви радушие. В этом отношении ты тоже не изменилась! Ну да ладно, я не в обиде, мы ведь еще увидимся, верно? Что бы ни случилось...

Он стоял в опасной близости к бывшей жене, дыша ей в лицо. Клеманс подняла было руку, чтобы вытолкнуть его за дверь, но все же поостереглась прикасаться к нему. Этьен взглянул через плечо на Филиппину, которая так и не двинулась с места. Она храбро, не дрогнув, выдержала его взгляд. Хотя и понимала, что ситуация может измениться в любой момент.

– Ну, до скорого, красавицы мои! – бросил Этьен и шагнул за порог.

Уже почти совсем стемнело, когда Виржил и Люк добрались до шале. В гараже и во всех окнах дома горел свет.

– Ого! Нас ждет королевский прием! – радостно воскликнул Люк.

– А я думаю, что твоя жена, скорее, выцарапает тебе глаза. Мужчины нагнулись, чтобы поставить девочек и снять лыжи.

– Это правда? – спросила Эмили у отца.

– Что – правда? Что мама выцарапает мне глаза? Ну конечно нет. Наверно, просто поругает за то, что мы припоздали и заставили ее волноваться за нас.

Пологий спуск в подземный гараж был посыпан солью еще утром, об этом позаботился Люк, и они прошли по нему внутрь, чтобы оставить там лыжные ботинки и мокрые носки, после чего поднялись в дом по внутренней лестнице.

– А вот и мы! – торжественно объявил Люк, войдя в гостиную.

Он ожидал, что Клеманс устроит ему разнос, однако застал ее в слезах, горестно сжавшуюся в кресле. Филиппина сидела рядом, на подлокотнике, обнимая ее за плечи.

– Дорогая моя, прости, – забормотал Люк. – Я не мог тебе позвониться, связи не было, но у нас все в порядке, у всех четверых; мы просто слегка заплутали из-за этой дурацкой метели, а потом нам пришлось нести девочек, они очень устали и...

Он осекся, увидев, как Филиппина прижала палец к гу-

бам, призывая его к молчанию.

– У нас тут был гость, – объявила она. – Этьен.

Ей даже не понадобилось уточнять, какой именно. Люк познакомился с Клеманс в те времена, когда она еще была замужем за Этьеном, и он помогал ей вырваться из его когтей.

– Разве он живет не на севере Франции? – удивился Виржил.

– Нет, он вернулся сюда.

Филиппина встала, уступив свое место Виржилу.

– Девочки, идемте со мной, – сказала она двойняшкам. – Сегодня вечером купать вас буду я.

С тех пор как они стали жить здесь все вместе, вшестером, девочки очень привязались к Виржилу и Филиппине; вот и сейчас они послушно шли за ней следом.

– А что это с нашей мамой? – спросила Эмили, поднимаясь по лестнице.

Жюли тут же повторила вопрос сестренки, и Филиппина постаралась их успокоить:

– Ничего, просто она очень волновалась, но теперь увидела, что все хорошо, и успокоилась.

Дождавшись, когда дочки поднимутся наверх, Клеманс заговорила с Люком.

– Я жутко испугалась, – процедила она сквозь зубы.

– Он что – угрожал тебе?

– Нет... Но мне с трудом удалось его выпроводить, а он

сказал, что мы все равно еще увидимся.

– Даже речи быть не может, чтобы он опять сюда пожаловал, – твердо заявил Люк. – И вообще, интересно, как он узнал наш адрес?

– Ну, наверно, порасспросил кого-нибудь из местных.

– Вы так давно разведены, – ему здесь нечего делать, и он должен это понять.

В противоположность Этьену, Люк не был одержимым ревнивцем, но он знал, сколько Клеманс пришлось вынести в браке с бывшим супругом, и был полон решимости больше не подпускать его к ней.

– Ох, жаль, меня здесь не было! – воскликнул он. – И мы, как назло, именно сегодня затеяли эту дурацкую прогулку с девочками!..

– Ну, метель же никто не мог предвидеть, – успокоил его Виржил.

Присев на другой подлокотник, он ласково похлопал Клеманс по плечу.

– Он и правда сильно тебя напугал?

– Да, и не меня одну. Фил было страшно не меньше меня – представьте себе, она даже схватилась за нож!

И Клеманс рассмеялась сквозь слезы.

– За нож? – изумленно переспросил Виржил.

– Да, за мясницкий нож, вот такой огромный! Она, конечно, не пригрозила им Этьену, но, можете мне поверить, была готова на все.

Люк и Виржил переглянулись поверх ее головы. Вряд ли этим двум женщинам удалось бы защититься в критической ситуации от такого типа, как Этьен.

– Если я правильно понял, он так и не объяснил, что ему нужно?

– Просто «повидаться». Как тебе это нравится?!

– Давайте поставим тревожный звонок, – предложил Виржил. – А когда нас не будет дома, женщины должны запи- раться.

Он думал о Филиппине, которая проводила время в шале одна. Она писала диссертацию. Сам он уезжал рано утром в больницу Гапа, в отделение ортопедической хирургии, где он проводил операции. Зимний лыжный сезон был щедр на травмы, и Виржилу хватало работы с избытком. Люк тоже покидал шале довольно рано: он держал автосалон «Land Rover» в городе и ревностно относился к своему детищу. Ну, а Клеманс по утрам отвозила девочек в школу и направлялась в центр города, где у нее был салон красоты. Таким образом, Филиппина могла наслаждаться долгими часами тишины и одиночества, которые очень ценила. Раз в неделю она ездила в супермаркет, где набирала полную тележку продуктов, время от времени позволяла себе после обеда несколько часов шопинга, но всему этому предпочитала одинокую прогулку в горах. Зимой она пользовалась снего- ступами или равнинными лыжами, а летом надевала крепкие башмаки для ходьбы. В остальное же время писала, раз-

мышляла или отыскивала в Интернете нужные ей документы. Но что бы она ни делала, ей приходилось быть одной с утра до вечера. Виржил иногда говорил с ней на эту тему, просил быть осторожнее и всегда носить в кармане мобильник. Увы, рассеянная Филиппина часто забывала его наставления, поглощенная книгой или текстом в своем ноутбуке, — ее интересовали только собственные исследования. Она обожала занятия наукой и уже много лет без особых усилий получала диплом за дипломом, даже не думая при этом освоить какую-нибудь практическую профессию. Словом, жизнь в горах вполне устраивала ее, хотя она приехала сюда лишь для того, чтобы не расставаться с Виржилом.

Покупка шале состоялась в силу особого стечения обстоятельств. В основе решения о совместной жизни лежала долгая дружба Виржила и Люка. Оба они были парижанами, познакомились в выпускном классе лицея Шапталь и с тех пор уже не теряли друг друга из виду, несмотря на совершенно разные жизненные обстоятельства. Зато оба, и тот и другой, были заядлыми любителями горнолыжного спорта и поначалу просто частенько ездили вместе в горы, где соревновались на разных трассах. Затем, окончив лицей, они решили — по диаметрально противоположным причинам — расстаться с родительским домом и сняли для себя в квартале Батиньоль маленькую трехкомнатную квартирку на верхнем этаже дома, под самой крышей. Виржил, которому отец прочил карьеру банкира как своему наследнику, избрал для се-

бя профессию врача только для того, чтобы избавиться от родительской опеки. Но то, что вначале было для него всего лишь мятежом, очень скоро обернулось настоящим призванием. Пройдя интернатуру в госпитале Ларибуазьер, он избрал профессию хирурга-ортопеда, требующую как ювелирной точности, так и пристального внимания. Это было для него столь же увлекательно, как знаменитый металлический конструктор «Меккано». В двадцать восемь лет, после безупречной учебы, он блестяще защитил диплом.

Тем временем Люк был одержим автомобилями. Он родился в гораздо более скромной семье, чем его друг Виржил: отец был маляром, мать работала секретаршей. При чем в автосалоне Леваллуа, который торговал дорогими моделями. Каждый раз, когда Люк, сначала мальчиком, а позже подростком, заходил на работу к матери, он подолгу любовался кабриолетами с блестящей хромированной обводкой, седанами с креслами из лощеной натуральной кожи и панелями орехового дерева. В пятнадцать лет он зачарованно слушал хозяина салона, склонившегося над моторами, а к девятнадцати, закончив маленькое коммерческое училище, получил СТ² по специальности «продажа автомобилей – работа с клиентами». С этим документом он легко нашел место в одном автосалоне. Любовь к механике и хорошо подве-

² СТ (*фр.* le Certificat de travail) – свидетельство (удостоверение) техника, выдаваемое после получения степени бакалавра в лицее и двухлетнего обучения в специализированном училище.

шенный язык помогли ему стать прекрасным продавцом, и вскоре, начав зарабатывать на жизнь, он покинул семейный очаг, чтобы не обременять родителей.

Ни их семьи, ни окружающие не понимали, как это настолько разные парни могут стать близкими друзьями. Казалось, им суждено разойтись просто в силу жизненных обстоятельств, – но ничуть не бывало. Они по-прежнему проводили вместе отпуска – как правило, на лыжных трассах, а иногда в высокогорных походах в какой-нибудь далекой стране, чтобы утолить жажду приключений. И еще много лет прожили вместе в батиньольской квартирке, куда каждый из них приводил, когда хотел, очередную пассию и где они сообща изобретали новые, самые невероятные рецепты приготовления спагетти, обильно орошаемого вином, – словом, жили-поживали в свое удовольствие, как беспечные студенты, коими больше не были.

Обследовав энное количество маленьких лыжных станций и зимних курортов, они особенно полюбили одно место в Провансе, рядом с Гапом, под названием Жу-де-Лу. С высоты открывался великолепный вид на массив Экрен, на плато Веркор и на Люберон; их восхищали эти места, и они ездили туда при каждом удобном случае, как только освобождались – один от работы в парижском госпитале, другой – от аньерского автосалона. Как-то раз во время такого заезда они решили постричься, вошли в первую попавшуюся парикмахерскую Гапа, и тут Люк моментально влюбился в

хорошенькую молодую парикмахершу – Клеманс. Его очаровали ее ясные серые глаза, меланхолическая улыбка и мягкое, ласковое обращение с клиентами. Вскоре Люк узнал, что она замужем, но собирается развестись. Твердо решив покорить ее, он стал ездить в Гап каждый уикенд и влюблялся все сильнее и сильнее. Виржил не мог его сопровождать из-за частых дежурств в госпитале, но зато с добродушной усмешкой выслушивал признания, которыми Люк делился с ним, возвращаясь из Гапа. Они привыкли ничего не скрывать друг от друга, делиться и радостями, и тревогами, и Виржил видел, что Люк тоскует все сильнее и сильнее. Ему было невмоготу жить вдали от Клеманс, которая всеми силами пыталась отделаться от мужа – безжалостного, грубого типа, даже и слышать не желавшего о разводе. Так прошло несколько месяцев, и Люку неожиданно представилась возможность получить концессию на торговлю автомобилями в Гапе. Не колеблясь ни минуты, он решил покинуть Париж. Виржил, расстроенный, но прекрасно понимавший Люка, одобрил его выбор. Жить рядом с любимой женщиной, в любимых краях и продавать любимые машины... Ну как тут не порадоваться за лучшего друга?! Перед отъездом Люка они расстались с квартиркой в Батиньоле. Их юность закончилась, теперь каждому предстояло идти своей дорогой. Виржил снял просторную студию рядом с госпиталем Ларибуазьер, но при любой возможности уезжал в Гап, чтобы повидаться с Люком и Клеманс. Зимой по воскресеньям они

вместе катались на лыжах, в летние месяцы устраивали пешие прогулки. Клеманс наконец получила развод, несмотря на сопротивление бывшего мужа, и продолжала работать в парикмахерской. Люк, в полном восторге от своего гаража, расхваливал и успешно продавал четырехприводные внедорожники, незаменимые на горных дорогах. Возвращаясь в Париж, Виржил чувствовал себя неприкаемым. Он завидовал счастью Люка и Клеманс, но у него самого не хватало времени на семейную жизнь, и он пока довольствовался короткими связями, переходя от одной легкой победы к другой. Этот молодой, холостой, привлекательный хирург интересовал многих женщин, но ни одна из них не смогла удержать его при себе. Так оно и шло, пока в его жизни не появилась Филиппина. Она ехала на велосипеде навстречу движению транспорта и чуть не сбила Виржила, который по всем правилам переходил улицу.

Из вежливости девушка остановилась, чтобы извиниться, и вдруг начала смеяться, узнав в нем хирурга, который год назад оперировал ее по поводу перелома голени. Сам он на чистом забыл об этом и потому считал необходимым извиниться перед ней; в конечном счете они отправились в кафе выпить по рюмочке. В то время Филиппина писала диссертацию. Ей было уже под тридцать, но она все еще училась, и это ей очень нравилось. После дополнительного курса лица и окончания Эколь Нормаль ³ она получила степень агреже

³ Эколь Нормаль (*фр.* L'Ecole Normale) – высшее учебное заведение, дающее

⁴ в области классической литературы и теперь надеялась добиться того же в области филологии. В заработке, по ее словам, она не нуждалась, так как получила довольно солидное наследство от деда с бабушкой, и рассчитывала посвятить свою жизнь научным исследованиям.

Виржил ей не поверил и посмеялся над этим, как над милой шуткой, хотя девушка говорила вполне серьезно. Не поверил он и тому, что у этой молодой красавицы нет возлюбленного. Тем не менее она и вправду была одинока, независима и очень довольна этим обстоятельством. В конце концов они дружно решили, что могут *попробовать* встречаться.

Несколько месяцев спустя один из дядьев Виржила, важная шишка в медицинских кругах, у которого вдобавок было много друзей-политиков, вздумал заняться карьерой своего племянника. Но Виржил, раздраженный этим вмешательством семьи в его жизнь, категорически не желал строить свою карьеру под диктовку родни, он восстал. Молодой человек был не настолько амбициозен, чтобы гнаться за почетными званиями или вести беспощадную борьбу за высокие должности, например за место главврача, прекрасно понимая, что еще слишком молод для этого. В общем, он предпочитал оперировать больных, а не тратить время на интри-

право на преподавание.

⁴ Агреже́ (*фр.* L'agrégé(e)) – ученая степень, дающая право преподавать в лицее или в высшем учебном заведении.

ги и светские приемы. Этот отказ от протекции рассорил его с дядей, они сильно повздорили, и результатом их стычки стал телефонный звонок разъяренного отца. Если он так пренебрегает родней, пускай теперь выпутывается сам! Что ж, именно это Virgil и делал в своей операционной, и делал отлично. Он был умелым и добросовестным хирургом, и все окружающие его высоко ценили, — тем не менее он ничего не предпринимал ради карьеры, раз и навсегда устранившись от всяческих интриг.

В результате ему опостылел Париж, и он покинул его — естественно, ради Люка и Гапа, где его взяли на работу в больницу. Конечно, она не выдерживала никакого сравнения с гигантской структурой Ларибуазьера, однако здешняя хирургия была на высоком уровне, а отделение ортопедии и травматологии могло похвастаться прекрасным оборудованием, что было нелишним при множестве несчастных случаев в горах.

На сей раз Virgil не стал снимать квартиру, а решил-ся на покупку жилья. Поскольку ему хотелось жить не в самом городе, а где-нибудь на природе, он обратился в местное жилищное агентство с просьбой подыскать ему дом в окрестностях Гапа. После многочисленных, но безрезультатных осмотров ему показали очень большое, но еще недостроенное шале. Virgil с первого взгляда восхитился его уединенным расположением на девятисотметровой высоте и потрясающим видом на долину внизу. Но вот незадача: шале

было явно велико для него одного и стоило слишком дорого. Приуныв, он уже собрался отказаться от своей затеи, как вдруг Люк предложил ему купить шале вдвоем с ним. У них с Клеманс родились девочки-двойняшки, семье было тесно в городской квартирке, и, кроме того, они мечтали о саде. Посетив шале вместе с Виржилом и агентом, супруги сразу влюбились в это место. Земляная терраса вокруг дома плавно переходила в склон, заросший буками и елями. Широкий балкон-галерея окружал весь второй этаж, состоявший из шести комнат. Стены были сложены из лиственницы прекрасного качества, крыша заканчивалась широким козырьком-навесом, а подвальное помещение могло вместить пять или шесть машин. Архитектор явно предназначал свое творение для большой семьи: кроме жилых комнат на втором этаже, которые еще можно было переобустроить, здесь имелись две ванны и две душевые. А весь первый этаж занимал просторный холл с камином в задней стене и низкими перегородками, сложенными из «дикого» камня, создающего живописный контраст со стенами из светлого дерева. В целом этот ансамбль выглядел великолепно, оставались только доделки, – правда, они грозили отнять много времени и... много денег.

Виржил и Люк были в полном восхищении, им даже не понадобилось советоваться друг с другом, они по опыту знали, что совместная жизнь не создаст им никаких проблем. Что до Клеманс, она заранее ликовала, предвкушая жизнь

в таком доме. Имея три зарплаты, они без труда получили кредит на покупку шале и очертя голову бросились в эту заманчивую авантюру.

Виржил быстро и без всяких сожалений ликвидировал все, что еще привязывало его к Парижу. Оставался лишь один щекотливый вопрос – как быть с Филиппиной. Их связь – беззаботная и восхитительная – длилась уже три года и, казалось, должна была закончиться с отъездом Виржила, но нет, – ни тот, ни другая этого не хотели. Поразмыслив над сложившейся ситуацией, Филиппина высказалась в том смысле, что им совсем не обязательно расставаться. Ей случалось сопровождать Виржила, когда тому выпадала зимой свободная неделя и он уезжал в Гап кататься на лыжах; таким образом, она уже знала Люка и Клеманс, и ее не пугала перспектива совместной жизни с ними в шале. Она любила горы, нуждалась в спокойной обстановке, чтобы заниматься своими исследованиями, и была готова пожертвовать несколькими месяцами, чтобы понять, устроит ли ее такое существование, если Виржил на это согласится.

Вот так они и оказались вчетвером – а с девочками и вше-стером – в этом роскошном уединенном шале, где всего только и оставалось, что докрасить стены и положить плитку на полу в ванных комнатах. В течение первого года они посвящали этому почти все выходные, и их образ жизни мало-помалу устоялся. В конечном счете Филиппина решила не возвращаться в Париж и продолжить жить в горах, что ее впол-

не устраивало. Она взяла на себя готовку и закупки. Клеманс ежедневно привозила домой свежие продукты. Мужчины занимались доделками в доме и работой в саду. Это разделение труда произошло с молчаливого согласия всех четверых, расходы делились между ними поровну, и в доме царило полное согласие. Заранее было решено, что, если возникнут какие-то проблемы, они расстанутся полюбовно, не колеблясь, и каждый получит обратно свою долю вноса.

Ни Virжил, ни Люк об этом даже не помышляли, так же как и Клеманс. И только Филиппина иногда раздумывала о своем будущем. Чтобы не потерять Virжила, она согласилась на этот проект – пусть и возникшей без ее участия, – где нашла свое место и свое счастье. Однако с некоторых пор она стала замечать, с какой нежностью Virжил поглядывает на двойняшек. Занимаясь девочками, он начал мечтать о собственных детях, что было вполне естественно для тридцатисемилетнего человека, но Филиппине было всего тридцать, и она не испытывала такого желания. Ей, конечно, очень нравились Эмили и Жюли, но лишь потому, что они были уже самостоятельными, веселыми и хорошенькими болтушками. А вот переносить беременность и роды, потом проводить бессонные ночи у колыбели сморщенного, орущего младенца – совсем другое дело, к такому Филиппина была не готова. Ее не соблазняли ни брачные узы, ни материнство, она хотела остаться независимой, хотя и понимала, что вскоре это станет источником конфликта.

Что касается Клеманс и Люка, горячо любивших своих «девчонок», то они не задавались такими вопросами. Им обоим эта жизнь, простая и ничем не омраченная, казалась прекрасной. По крайней мере вплоть до неожиданного вторжения Этьена. Клеманс была уверена, что он вернулся в Гап не случайно, и не ждала от этого ничего хорошего.

Виржил осторожно вытащил руку, на которой заснула Филиппина, и слегка отодвинулся, чтобы потянуться, — у него заныли мышцы. От перегрузки на вчерашней лыжной прогулке наверняка будет болеть все тело, а ему предстоял завтра в больнице трудный день с несколькими запланированными операциями. И если у него сведет пальцы, держащие скальпель, страшнее ничего не придумаешь.

Виржил поднялся с постели и бесшумно пересек комнату в темноте. Встав под душ, он включил воду, делая ее все горячее и горячее, потом вытерся, долго массировал тело антивоспалительным лосьоном и проглотил две таблетки аспирина. Люк наверняка проснется завтра утром в таком же состоянии, только для него это будет не так важно.

Когда он вернулся в спальню, там горел свет, а Филиппина увлеченно читала какую-то книгу.

— Я тебя разбудил, когда вставал?

— Нет, я не спала, а дремала. И вполне оценила, как осторожно ты двигался.

Она нежно улыбнулась Виржилу, отложила книгу и сняла очки.

– Почему ты решил принять душ среди ночи, дорогой?

– Чтобы снять ломоту. Мы слишком перенапряглись в этой метели.

– Да уж... Ходить по целине всегда утомительно, – иронически заметила она.

– Особенно когда несешь кого-нибудь на себе! Хорошо еще, что малышки не слишком тяжелые.

– Ты находишь?

– Ну... в общем-то, двадцатикилограммовый груз, конечно, со временем оттягивает руки. Тем более если одновременно тащишь лишнюю пару лыж и палки.

– Но вы же не совсем заблудились?

– Нет, просто слегка сбились с пути, а главное, не хотели показать это девочкам, чтобы не напугать их.

– Неужели они действительно не могли идти на лыжах?

– Какое там, – они то и дело падали, набрали снега в ботинки и стучали зубами от холода. К тому же ветер стал просто ледяным и пошел такой густой снег, что в двух шагах ничего не было видно, а склон был крутой – не подняться. Надеюсь, Клеманс не сердится на нас за то, что мы их подвергли такому испытанию.

– Ну, ее сейчас заботит совсем другое – визит этого... бывшего. Я его увидела впервые, но, боже мой, какой мерзкий тип!

– Н-да... в его возвращении приятного мало.

– Ты думаешь, он опасен?

– Ну, если он был так опасен в прошлом, значит, будет вести себя так же и сейчас. Обещай мне, что начнешь запира́ть дверь, когда останешься в доме одна.

– Но его интересует только Клеманс, а не я. Он так нагло пожирал ее глазами, как будто она не человек, а вещь, и казалось, вот-вот набросится на нее. Но у Клеманс все-таки хватило храбрости выставить его вон, и он подчинился, даже не знаю почему. Скорее всего, потому что мы были вдвоем. Очень надеюсь, что ему не удастся застать ее где-нибудь одну.

– То, что она рассказывала о нем Люку, когда разводилась, многое говорит об этом типе. Бедный Люк, он просто с ума сходил при мысли, что Клеманс в одиночку борется с этой скотиной, и ускорил свой приезд в Гап, чтобы защитить ее. Но его появление привело Этьена в дикую ярость. Он и без того не допускал мысли, что жена хочет от него избавиться, а уж то, что она может оказаться в объятиях другого... Это какая-то патологическая ревность. Люку пришлось несколько раз вызывать жандармов, потому что Этьен целыми днями следил за парикмахерской, а стоило Клеманс выйти на улицу, как он шел за ней по пятам. Когда он наконец уехал из этого района, они с Люком на радостях устроили настоящий праздник!

– Он же отсутствовал несколько лет. Так почему же сейчас вдруг вернулся?

– Понятия не имею. Может, у него в жизни что-то случи-

лось, и это привело его сюда. Нам действительно стоит его опасаться.

Виржил бросил взгляд на будильник и предложил:

– Давай спать?

– Нет, я еще немножко почитаю.

Виржил усмехнулся, глядя, как она наклоняет свою прикроватную лампочку, чтобы ему не мешал свет, надевает очки, придававшие ей ужасно серьезный вид, и снова открывает книгу. Иногда, вот как сейчас, он спрашивал себя: почему она сидит здесь, с ним, в этом безлюдном горном захолустье? Семейная жизнь ее вроде бы не соблазняла, как не соблазняла и никакая профессия. На ее месте он, так истово увлеченный своей работой хирурга, умер бы от скуки. Ему была необходима больничная атмосфера, дружная команда ассистентов во время операций, особенно самых сложных, самых рискованных. Всякий раз, как его пациент восторгался тем, что снова может ходить, или просто благодарил за то, что ему уже не больно, Виржил чувствовал себя полезным и в очередной раз убеждался, что не обманулся в своем призвании. Утренние поездки в больницу были радостью, а не тяжким долгом, он даже неохотно брал отпуска. Его удивляло: как это Филиппина может переносить одиночество, тишину, полное отсутствие цели? И как ей удастся не думать о завтрашнем дне, о будущем? Иногда у него возникало чувство, что она просто плывет по течению, все равно куда. Едва получив какой-нибудь диплом, она тут же начинала доби-

ваться следующего, переходя от одной области знаний к другой только ради удовольствия учиться. Она не собиралась ни преподавать, ни заниматься исследовательской работой в CNRS ⁵, иными словами, даже не думала применять свои знания на практике, на службе обществу, а приобретала новые лишь из желания узнать что-то ранее неизвестное.

Перед тем как закрыть глаза, Виржил еще несколько мгновений смотрел на Филиппину. Она была очень красива – высокая, стройная, изящная, аристократичная. Коротко остриженные каштановые волосы обрамляли лицо с точеными чертами, очаровательным носиком и умными, проницательными золотистыми глазами. Она могла быть интересной, остроумной, дружелюбной – но редко по-настоящему сердечной, всегда держа людей на расстоянии. Даже в минуты их близости Виржилу всегда казалось, что она не отдается ему целиком, безраздельно. Тем не менее она была здесь, в этом шале, и выглядела счастливой и влюбленной. Виржил часто спрашивал себя: не лучше ли пойти напролом и задать ей главный, принципиальный вопрос: собирается ли она завести детей? Ему уже стукнуло тридцать семь лет, давно пора стать отцом, и желательно не слишком старым. Он вздохнул с философским смирением, закрыл глаза и погрузился в наплывающий сон.

Во вторник утром, высадив девочек у школы, Клеманс с

⁵ CNRS (*фр.* Le Centre National de la Recherche Scientifique) – государственный центр фундаментальных научных и технических исследований.

трудом проехала в центр города. Хотя мостовые были посыпаны солью, на обочинах лежали груды снега, упавшие с крыш. Стоянка, где она обычно парковала машину, превратилась в сплошной каток, и водители осторожно, с черепашной скоростью, маневрировали по льду. Клеманс, как всегда зимой, порадовалась тому, что у нее есть внедорожник для ежедневных поездок. Десять лет назад, во времена своего брака с Этьеном, она ездила на жалкой малолитражке, которая вертелась юлой, стоило ей угодить на наледь. Но тогда они жили в центре, и Этьен уверял, что никакой другой машины ей не нужно. Слава богу, теперь, благодаря Люку, в ее распоряжении всегда был надежный автомобиль. Вначале Клеманс боялась не справиться с такой мощной, слишком тяжелой машиной, и Люк подыскал ей маленькую, уютную «сузуки», а потом, совсем недавно, «Тойоту РАВ-4». Он хотел, чтобы его жена и дочери были в безопасности в любую погоду, и поставил это железным условием, особенно когда они купили шале и им предстояло ездить всю зиму по заснеженным дорогам. К тому же как владелец автосалона Люк пользовался значительными льготами при покупке и ремонте машин такого класса. И все-таки эта машина требовала больших расходов. Разумеется, Виржил и Филиппина были клиентами Люка, но они располагали большими средствами и с самого начала жизни в горах оставались верны своему «ренджроверу».

Осторожно шагая по тротуару, стараясь не поскользнуть-

ся, Клеманс дошла до своей парикмахерской, которую открывала в 9 часов утра. Зато по вечерам салон часто закрывала ее помощница Соня. А трижды в неделю им помогал Михаэль, помощник. У Клеманс было много постоянных клиентов, но она не хотела расширять свою парикмахерскую или нанимать дополнительных служащих. Мучительная жизнь с Этьеном научила ее осмотрительности, и, выходя замуж за Люка, она настояла на внесении в брачный контракт пункта о раздельном владении имуществом. Сейчас, когда Клеманс думала об этом, то ругала себя за глупость: как она могла сомневаться в нем, ведь этот человек стал для нее подарком судьбы! Прекрасный отец, заботливый, внимательный, любящий супруг. Последние десять лет казались ей волшебным сном. Она до сих пор поражалась тому, что стала такой счастливой, такой жизнерадостной, и каждое утро благодарила за это судьбу, стараясь забыть о прошлом, на котором поставила крест. По крайней мере, так ей казалось – вплоть до позавчерашнего визита Этьена.

– Как ты добралась? – воскликнула Соня, увидев входящую Клеманс. – Сегодня на любом перекрестке рискуешь попасть в ДТП, а на тротуарах каждый шаг грозит переломом! Правда, тебе-то хорошо: в обоих случаях есть к кому обратиться...

Шутка была не нова, но Клеманс все же ответила на нее веселой усмешкой. По мнению Сони, ее хозяйка, имевшая в мужьях владельца гаража, а в друзьях – врача-хирурга, была

надежно застрахована от опасностей зимней непогоды.

– Похоже, нынешний январь – худший за последние двадцать лет, – продолжала Соня. – Надеюсь, наши клиенты все же рискнут высунуть нос на улицу, хотя кажется, что денек будет слишком спокойным.

Клеманс машинально обернулась к окну и выглянула наружу. Редкие прохожие, одетые в пуховики или теплые пальто, передвигались мелкими, осторожными шажками. Серое свинцовое небо предвещало скорый снегопад. И вдруг Клеманс заметила массивную фигуру мужчины в кожаной куртке, стоявшего под уличным фонарем на другой стороне улицы. От испуга у нее перехватило дыхание, но человек зашагал прочь и вскоре исчез из вида. Клеманс облегченно вздохнула.

– На что это ты там смотришь? – с любопытством спросила Соня.

– Да так... Какой-то тип, похожий на моего бывшего... Но это был не он.

– А ты еще о нем думаешь?

В период развода Этьен целыми неделями шпионил за ней, преследовал, угрожал, мучил. Случалось, он тоже, как вот этот тип, стоял напротив парикмахерской под фонарем и пристально смотрел на витрину.

– Я уж и думать о нем перестала, но позавчера он преподнес мне сюрприз – явился к нам домой.

– Да ты что?!

– Оказывается, вернулся в наши края и разузнал мой адрес.

– И Люк его впустил?

– Люк в это время был на лыжной прогулке с девочками.

– И ты была одна? Вот ужас-то!

– Нет, со мной была Филиппина.

– Ну, эта ученая девица – плохой телохранитель, – усмехнулась Соня.

– В общем, я заставила его уйти. Не знаю, с чего ему вздумалось меня увидеть, – за все это время он мог бы забыть о моем существовании. Я была уверена, что он как-то устроил свою жизнь и я никогда уже не услышу о нем, но что-то непохоже...

Она не договорила и призадумалась. Неужели Этьен действительно опасен? Нет, лучше об этом не думать, иначе она начнет шарахаться от каждого встречного.

– Ой, господи, я уж думала, что никогда до вас не доберусь! – воскликнула вошедшая в салон клиентка.

Она сбросила пальто и шарф, протянула их Соне и стащила с головы шерстяную шапочку.

– Вы только полюбуйтесь на мои корни! Я решила прийти, рискуя жизнью! Давайте сделаем обычный цвет... или, может, несколько прядок посветлее?

Ожидая реакции Клеманс, женщина небрежным жестом взбила волосы.

– Да, пусть будет чуть побольше солнца, в такую погоду

мы все в нем нуждаемся, не так ли?

Клеманс с улыбкой кивнула и сняла с вешалки свой халатик.

Операция длилась больше четырех часов, и когда Виржил наконец вышел из операционного блока, с него градом катил пот. Он выбросил перчатки в мусорный бак, сорвал с себя маску, шапочку и халат.

– Черт возьми, они тут совсем рехнулись со своим отоплением, – рывкнул он. – Почему никто не следит за температурой в блоке? То у них плависься от жары, то дрожишь от холода. Как можно работать в таких условиях?!

Медсестра, которая во время операции вытирала ему мокрый лоб, чтобы пот не стекал на глаза, сочувственно улыбнулась:

– И правда, прямо Африка какая-то...

– Будьте добры, сходите в администрацию и передайте, чтобы отрегулировали отопление. После обеда у меня нестабильный перелом таза, так что скажите им, что я не начну операцию, пока у нас в блоке температура 27 градусов!

Дверные створки операционной распахнулись, и вышел анестезиолог в сопровождении двух медсестер – перевязочной и операционной.

– Все в порядке, должен скоро проснуться! – объявил он. – Поздравляю, ты прекрасно поработал над этим коленом!

– Себастьян, дорогой мой, я обожаю твои комплименты, – иронически ответил Виржил, который высоко ценил этого

специалиста. Он потащил его за собой в коридор.

– Мне нужно в душ, но сначала я хочу кофе, побольше кофе! А ты?

– А я только что мечтал там, в операционной, о холодном лимонаде.

На площадке, у лифта, температура была значительно ниже.

– Ну вот, не хватало еще простудиться! Что мы будем делать, когда весь персонал ляжет с бронхитом?! – возмутился Себастьян и тут же смущенно добавил: – Завтра я возьму отгул.

– Ты что – шутишь? Ты наше расписание видел?

– Да, знаю, но у меня семейная проблема...

– Серьезная?

– Как посмотреть. Мой отец женится в третий раз, и мне очень интересно узнать, кто его новая избранница... кажется, она гораздо моложе меня!

Виржил расхохотался и почувствовал, что его сведенные судорогой плечи слегка расслабились. Эта утренняя операция отняла у него все силы, – к счастью, он быстро восстанавливался.

– Давай выйдем минут на пять, проветримся? – предложил Себастьян.

Ему явно хотелось выкурить сигаретку, и Виржил охотно составил ему компанию, чтобы немного отдохнуть от больничной атмосферы. Ему иногда случалось не выходить из

больницы двенадцать часов кряду; он ненавидел такие дни. Но едва они переступили порог, как на них набросился ледяной ветер. Закутавшись в пуховики, они укрылись от него под навесом площадки, куда подъезжали машины «скорой помощи» и где собирались на перекур все работники больницы, – это место было далеко от главного входа, и тут они не рисковали наткнуться на своих пациентов.

– Слава богу, еще не начались школьные каникулы, – заметил Виржил, – иначе здесь все было бы забито «скорыми».

Полчища туристов, съезжавшихся на зимние курорты, в любую погоду сразу же устремлялись на лыжные трассы с твердым намерением максимально насладиться этим видом спорта, несмотря на плохую подготовку; в результате несчастным случаям не было конца.

– В такую погоду все трассы обледетели и стали опасными. Позавчера мы с моим приятелем Люком и его дочерьми устроили обыкновенную прогулку на равнинных лыжах и неожиданно угодили в снежный буран. Не будь мы так опытные и в такой хорошей форме, это могло бы скверно закончиться.

– Точно. Но ты же у нас большой любитель гор и знаешь их как свои пять пальцев.

– Никогда нельзя себя переоценивать, от несчастного случая никто не застрахован.

Себастьян последний раз затянулся сигаретой и бросил ее в настенную пепельницу.

– Ну, пошли? – спросил он, взглянув на часы. – Вот увидишь, сейчас нам объявят, что внутри достаточно тепло, и только!

И они побрели к корпусу «А» ортопедической хирургии. Межкоммунальный больничный центр (сокращенно МБЦ) Южных Альп, построенный на месте старинных хосписов, родился из слияния медицинских учреждений Га-па и Систерона. Последняя программа развития позволила руководству центра возвести четыре новых корпуса и проложить дорогу, связывающую все отделения. Виржил прекрасно чувствовал себя здесь, вдали от парижских интриг и козней начальства; местные коллеги, задыхавшиеся от работы, приняли его с распростертыми объятиями. Чем дальше, тем больше они восхищались его виртуозными операциями, твердостью характера и солидарностью в любых обстоятельствах. Конечно, у некоторых его превосходство вызывало легкую зависть или раздражение, однако, когда его назначили главврачом отделения, никто не стал возражать. Пунктуальный, харизматичный, лишенный высокомерия, он еще ко всему прочему привлекал людей атлетической фигурой и голубыми глазами с золотистыми искорками, которые заставляли млеть весь женский персонал больницы. Но Виржил не искал мимолетных интрижек, не коллекционировал любовные победы. Он был верен Филиппине, поглощен работой в больнице и не испытывал никакого желания усложнять себе жизнь. Слишком часто ему приходилось видеть в

Ларибуазьере, как тайные связи и любовные истории мешают работе, а заодно портят человеческие отношения.

До следующей операции еще оставалось около получаса, и он решил обойти своих пациентов, прооперированных накануне.

Люк украдкой довольно улыбнулся. Он умел обращаться с потенциальными покупателями, даже если кто-то из них поначалу и держался неприступно, то в конечном счете Люк всегда нащупывал его слабое место. Например, этого клиента мало интересовало описание технических достоинств и многочисленных опций машины, но стоило Люку упомянуть в лирических тонах программу «Территория», как он встретился.

– Компания «Land Rover» регулярно устраивает различные акции и предоставляет своим клиентам всевозможные привилегии. Приобретая этот автомобиль, вы становитесь как бы членом тайного, элитарного клуба. Вам откроют доступ в такие места, куда не допускают посторонних и где с вами будут обходиться как с VIP-персоной...

Его кабинет был удобно расположен в конце демонстрационного зала, чтобы у клиентов постоянно был перед глазами весь парк великолепных 4×4, блиставших лаковыми бортами и хромированными деталями в свете искусно расположенных прожекторов. Ну можно ли отказаться от удовольствия сидеть за рулем одного из этих прекрасных чудовищ, способных одолеть любые снежные заносы, лед и грязь?! Це-

на была, конечно, сумасшедшая, но ее оправдывали высокие качества этой модели и ее долговечность.

– В общем, «ЛендрOVER» – настоящая легенда века! – заключил Люк.

– Вы правы, – радостно подхватил клиент.

Перспектива стать членом общества избранных была очень соблазнительна, и он уже созрел для покупки. Люк продолжал разглагольствовать дружеским и в то же время профессиональным тоном, одновременно заполняя бланки заказа. Поскольку речь шла о новой машине, сроки поставки были довольно долгими, и это усиливало впечатление, что выбранная модель будет создана специально для этого покупателя, с учетом всех его пожеланий.

Словом, неделя началась вполне благополучно: мерзкая погода побуждала людей чаще обычного заглядывать в салон Люка и прицениваться к подержанным машинам. Люк заключил еще две сделки подряд, – прекрасный результат для конца января, обычно довольно спокойного.

Проводив клиента, Люк направился к мастерской в глубине салона. Каждый раз, как он входил туда, ему казалось, будто он снова очутился в автомастерской Леваллуа, где работала мать и куда он приходил мальчишкой. Запахи бензина и разогретого масла, тряпки, пропитанные смазкой, сменные детали, разложенные по ящикам, и задранные капоты машин над медленно вращавшимися моторами – все это было знакомо и радовало душу. Даже притом что технический про-

гресс, с его хитроумными бортовыми компьютерами, иногда затруднял работу механиков.

Люк перекинулся несколькими словами с начальником мастерской, просмотрел график работ, отметил, что рядом с подъемником так и не заменили перегоревший прожектор, и убедился, что шипованные шины для снежной погоды доставлены в срок. Он знал, что для капризной, требовательной клиентуры важны любые мелочи, но главное, чтобы здесь строго соблюдались сроки ремонта машин. Проходя мимо закутка секретарши, втиснутого между цехом и демонстрационным залом, он приоткрыл застекленную дверь и сказал:

– Если хотите, Элиза, идите домой. Становится все холоднее, а дороги совсем занесло.

– Спасибо, тогда я побежала! – радостно ответила она и дружески помахала Люку перед тем, как выключить компьютер.

Было еще только 17 часов, а за окнами уже так стемнело, будто мрачное небо нависло над самой землей. Жизнь в горном шале имела свои преимущества, но в такую суровую зиму добраться до него было непросто. Сегодня везти девочек из школы предстояло Клеманс, – эту обязанность они с Люком исполняли по очереди, в зависимости от своих рабочих обстоятельств. Люк очень надеялся, что жена и дети уже вернулись домой и теперь сидят в тепле – пополдничают и делают уроки или играют. Однако при мысли об этом ему вспом-

нилось появление Этьена, смертельно напугавшее Клеманс. После того как ей удалось с такими мучениями избавиться от бывшего супруга, она была уверена, что никогда больше не увидит его, что он станет печальным воспоминанием об ошибке ее молодости. Эту ошибку она осознала довольно быстро, поэтому и начала принимать тайком от Этьена противозачаточные пилюли уже с первого года замужества, чтобы не родить ребенка от этого грубого, жестокого тирана. Через два года она объявила, что хочет развестись, и Этьен пришел в дикую ярость; он превратил жизнь Клеманс в настоящий ад, обращаясь с ней как неистовый ревнивец и бесцеремонный собственник. Она – его жена, она принадлежит ему и пусть даже не мечтает уйти! Однако он ошибался: Клеманс, казавшаяся мягкой, кроткой молодой женщиной, на самом деле обладала весьма твердым характером. Она знала, чего хочет, а главное – чего не хочет. В тот момент, когда Люк познакомился с ней, она как раз занималась разводом, не пожалев на гонорары адвокату всех своих денег, которые собирала с самой юности. Когда развод состоялся, Этьен решил покинуть эти края. Так неужели он все это время вынашивал планы мести? Перед отъездом – Люк хорошо помнил это – он повсюду распространял грязные сплетни, приправленные смутными угрозами, которые окружающие отнесли на счет его ярости и унижения. И вот наконец эта страницы была перевернута; Клеманс и Люк жили в любви, а рождение дочерей стало подлинным счастьем. Казалось, им боль-

ше нечего желать. Они забыли и думать об Этьене, и только Virжил иногда спрашивал Люка, не знает ли кто-нибудь, что стало с этим мерзким типом. Почему это его тревожило? Может, он был не таким наивным и оптимистичным, как Люк? Да, Virжил был человеком проницательным, всегда правильно судил о людях. Люк часто спрашивал друга, что он думает о том или ином человеке, и полагался на его мнение. Virжил был на год младше Люка, однако тот смотрел на него как на старшего, а вернее, как на старшего брата – настолько тесной была их более чем двадцатилетняя, ничем не омраченная, дружба. И вот теперь Люку предстояло в очередной раз поделиться с Virжилом своими мыслями, чтобы узнать, может ли Этьен в настоящий момент представлять для них опасность.

Услышав скрежет спускаемой железной шторы автосалона, он запер двери демонстрационного зала и включил сигнализацию. Ясно было, что сегодня вечером сюда не пожалует ни один клиент, так что можно спокойно закрыть салон раньше и отправиться домой.

2

Филиппина приоткрыла внутренний ставень, желая убедиться, что это подъехала машина Клеманс, и вернулась к своему компьютеру. Благодаря надежной звукоизоляции шум с первого этажа почти не проникал вверх. Шале бы-

ло построено из высокопрочных материалов, архитектор все предусмотрел, чтобы две семьи не мешали друг другу. Таким образом, несмотря на шумную возню, которую двойняшки, вернувшись из школы, затевали внизу, Филиппина могла спокойно заниматься у себя, на втором этаже. Они с Виржилом заняли восточное крыло дома; Клеманс и Люк с девочками выбрали себе западное. Их половины разделяла просторная комната в центре, служившая библиотекой, она выходила на лестницу. Филиппина с первого взгляда влюбилась в это шале. Она предпочла бы участвовать в его покупке, чтобы владеть им на равных с остальными, но к тому времени, как Виржил предложил ей поселиться здесь, он уже купил дом на паях с Люком и Клеманс.

Филиппина перечитала последние фразы, набранные на компьютере, нашла их вполне приемлемыми и решила на этом прерваться. Встав из-за своего маленького письменного столика, она прошла в ванную и внимательно оглядела себя в зеркале, занимавшем всю заднюю стену. Высокая, точеная фигура в облегающих джинсах и кашемировом джемпере выглядела безукоризненно. Филиппина держала себя в форме, усердно занимаясь спортом, ухаживая за гладкой, матовой кожей, за светло-каштановыми волосами, которые укладывала короткими прядями в стильную прическу, и подчеркивая умелым макияжем большие золотисто-карие глаза. «Медовые волосы, но волчьи глаза!» – с шутливой нежностью восклицал Виржил. Филиппина прекрасно знала, что

очень красива, хотя никогда этим не пользовалась. Она быстро созрела, превратившись из девочки в очень соблазнительную девушку, привлекавшую взгляды, но это ее сначала смущало, а потом даже заставило комплексовать. Чтобы оградить себя от слишком настойчивого внимания ровесников, она начала усердно заниматься, стала первой ученицей, и этот успех понравился ей. Вызывать восхищение своими интеллектуальными способностями – вот что придавало ей уверенности, возвышало в собственных глазах. После смерти бабушки и деда, обожавших Филиппину, их единственную внучку, она унаследовала состояние, которое обеспечивало ей полную финансовую независимость и которым она умело распоряжалась. Таким образом, она могла продолжать учиться и получать диплом за дипломом из чистого удовольствия, не обременяя себя заботами о карьере или о замужестве. Будучи от природы нелюдимой, склонной к одиночеству, она еще долго могла бы вести такой образ жизни, но тут появился Виржил. И Филиппина, с виду беззаботная и легкомысленная, всерьез привязалась к нему. То, что она поначалу восприняла как прекрасное, но мимолетное увлечение, мало-помалу превратилось в глубокую и требовательную любовь. И как же теперь с этим справляться? Виржил хотел детей, она не хотела; он строил свое будущее, а она упорно желала оставаться вечной студенткой. Трудно поверить, но именно эти разногласия поначалу и объединили их! Он был опытным хирургом, сложившимся человеком и, ка-

залось, проживал каждый свой день по заранее составленному плану. А она – интеллектуалка-дилетантка – плыла по течению, не заботясь о завтрашнем дне. Он твердо решил доказать, что способен добиться успеха без поддержки своей влиятельной семьи. А она с двадцати лет жила на свое наследство беззаботно, как рантье. Он считал дружбу священным долгом. Она ни к кому не была привязана...

Отвернувшись от зеркала, Филиппина огорченно вздохнула. Почему она так внимательно разглядывает себя? Неужели боится, что Виржил увлечется другой женщиной? Ведь ясно же, что в больнице полно всяких красоток, а статус холостяка делает его желанной добычей! И сколько же их вертится перед этим неотразимым, голубоглазым главврачом; и на что только они не готовы, лишь бы ему понравиться! Но, главное, сколько среди них женщин, мечтающих о законном браке и куче ребятишек?!

– А ты, кажется, ревнуешь, милочка моя, вот до чего дошло! – прошептала она.

Филиппина знала, что Виржил слишком поглощен работой и ему некогда изменять ей, но мужчина есть мужчина, а мнение Филиппины об этой половине человечества было далеко не лестным. Все те, кого она близко знала до Виржила, глубоко разочаровали ее. Неужели она требовала от них слишком многого, желая, чтобы они любили ее такой, какая она есть на самом деле, а именно умным, образованным человеком, а не только красивой молодой женщиной? Виржил

пока еще ни в чем не разочаровал ее, и Филиппина, несмотря на свою подозрительность, привыкла к мысли, что любит его. Может быть, даже слишком сильно любит. Так удалось ли ей сохранить свою свободу или она уже попала в зависимость от этого чувства?

Ее смартфон, лежавший на бортике раковины, завибрировал и выдал послание: «Я пеку вафли. Хочешь попробовать?» Ну что ж, горячие вафли – довольно соблазнительная перспектива в такой холодный вечер, ради них стоило спуститься на первый этаж, к Клеманс.

– Откуда у тебя силы заниматься стряпней после такого длинного рабочего дня? – весело спросила она.

– Меня это развлекает. Да и девчонки будут рады получить вафли на полдник!

– А где они?

– Наверху. Уроков им сегодня не задали, так что они пошли смотреть мультик, а потом буду их купать.

Клеманс вынула из вафельницы пару горячих вафель, присыпала их сахарной пудрой и протянула Филиппине.

– Дорога в ужасном состоянии, настоящий каток! Да и в городе все тротуары обледенели. У нас сегодня было очень мало клиентов – кому охота ломать ноги ради того, чтобы постричься?! Зато у Люка сегодня выдался урожайный денек. Кому мученье, а кому везенье...

– Ты дверь закрыла? – прервала ее Филиппина.

– Конечно. Люк взял с меня честное слово, что я буду

осторожна.

Нежная улыбка, с которой Клеманс всегда произносила имя мужа, чем-то смутно раздражала Филиппину, и она продолжала настаивать:

– Ты уверена, что твой бывший не вернется сюда еще раз помучить тебя?

– Этьен – псих, он вполне на это способен. Он всегда действовал напролом, ему все нипочем.

– А ты была сильно влюблена в него, когда выходила замуж?

– Да, только надолго меня не хватило! Мне было всего двадцать лет, я плохо разбиралась в мужчинах, мне просто хотелось выйти замуж. Этьен выглядел таким солидным, уверенным, и я приняла его за доброго толстого медведя, который будет мне надежной защитой. Мы встречались всего лишь несколько месяцев, как вдруг он явился с букетом, долго клялся в любви и, прижав руку к сердцу, сделал мне предложение.

– В общем, обставил все самым торжественным образом?

– Да мне хватило бы и десятой части: я ведь дитя DDASS⁶, меня таскали из одной приемной семьи в другую, пока я наконец не попала к приличным людям. Но до знакомства с Этьеном я вообще не знала никакой любви, а мне так этого

⁶ DDASS (*фр.* La Direction départementale de l'action sanitaire et sociale) – Департаментское управление санитарно-социальной помощи, в частности занимающееся устройством сирот в приемные семьи.

хотелось...

Рассказ Клеманс стал для Филиппины полной неожиданностью: Люк никогда ни словом не упоминал об этом, считая приемных родителей Клеманс законными тестем и тещей. Филиппина заметила, что, когда они приезжали в шале, Клеманс называла их по именам, но она не придавала этому значения, подумав: наверно, у них в семье так заведено.

– Я не знала... не знала, что у тебя было такое трудное детство, – тихо произнесла она.

– Ой, ты только не думай, что они меня мучили, как Тенардьё – Козетту ⁷. С первой же минуты в доме Жана и Антуанетты у меня началась очень хорошая жизнь. Я им страшно благодарна: у них я впервые почувствовала себя личностью. Но мне, конечно, хотелось иметь свою собственную семью. А у Этьена язык был хорошо подвешен, и я поверила в его обещания.

Слушая ее, Филиппина констатировала, что до сих пор ее дружба с Клеманс была поверхностной. Они ценили друг друга, вместе смеялись, вместе составляли меню на неделю вперед, играли с девочками в настольные игры, обсуждали Виржила или Люка, обменивались косметикой, но никогда не доходили до настоящих искренних признаний. И Филиппина решила воспользоваться этим приступом откровенности, чтобы побольше узнать о Клеманс.

⁷ Отсылка к роману Виктора Гюго «Отверженные», где девочка-сирота живет в семье жестокого трактирщика Тенардьё.

– А когда же ты обнаружила истинную натуру Этьена?

– Да почти сразу же. Стоило нам пожениться, как он начал обращаться со мной совсем иначе. Считал меня своей собственностью и дал полную волю своей сумасшедшей ревности. Запретил мне нанимать в парикмахерскую парней-учеников, – одних лишь девушек. Я тогда только-только открыла свою парикмахерскую – а деньги мне одолжили Жан и Антуанетта – и хотела как можно быстрее вернуть им долг. В общем, я побоялась, что Этьен устроит скандал, и стала нанимать в помощницы девушек. О том, чтобы пригласить друзей к нам домой, и речи быть не могло – Этьен приписывал им самые страшные пороки, лишь бы создать вокруг меня пустоту. Даже к Антуанетте и Жану он относился неприязненно, и ему удалось разлучить их со мной. Если мы ужинали в ресторане и я случайно бросала взгляд на какого-нибудь мужчину, он тут же устраивал сцену ревности. Требовал, чтобы я ходила на работу только в джинсах, ни в коем случае не в юбке, а если я возвращалась домой чуть позже обычного, метался, как дикий зверь в клетке.

– И ты все это терпела?

– В первые месяцы – да, старалась доставлять ему удовольствие, избегать ссор... Но его требования становились все жестче и жестче. И в тот день, когда я попробовала возразить, он разъярился окончательно и впервые закатил мне пару пощечин. Впервые – но далеко не в последний раз, увы!

– Он тебя бил? – с ужасом воскликнула Филиппина.

– Нет, слава богу, ограничивался пощечинами. Притом легкими, как будто наказывал непослушную девчонку. Ну, а дальше – больше. И тогда я стала тайком принимать пилюли и радовалась, что они предохраняют меня от беременности, только на всякий случай держала их не дома, а у себя в парикмахерской.

Филиппина недоуменно тряхнула головой – рассказ Клеманс привел ее в полную растерянность. Она, с ее независимым характером, просто не понимала, как можно быть такой пассивной, покоряться жестокому, ревнивому тирану.

– Самое трудное началось, когда я ему объявила, что хочу уйти.

– И как он это воспринял?

– Страшно вспомнить! Тут уж мне досталось по полной – и гнев, и мольбы, и попытки силой помириться в постели...

– Что значит – силой?

– Да ведь он весил вдвое больше меня, – с горькой усмешкой сказала Клеманс. – Он был уверен, что осчастливит меня своими объятиями и таким образом все уладит между нами. Да разве только это!.. У него еще хватило наглости заявить, что, если бы я была более покорной и любящей, у нас не было бы никаких проблем. И скоро я поняла, что он занимался со мной любовью и утром, и вечером, чтобы я забеременела, хотелось мне того или нет. Надеялся, что ребенок помешает мне уйти. А он безумно боялся, что я от него уйду. При его самолюбии, он даже мысли такой не допускал и вообще, мне

кажется, любил меня, но очень уж специфически.

— Ну, знаешь ли... когда мужчина любит женщину, он не награждает ее оплеухами! — возмущенно ответила Филиппина. — Если бы на меня кто-то поднял руку, я тут же вызвала бы полицейских и подала на него жалобу!

— Конечно, — только у нас совсем разные характеры, а главное, разное прошлое. Мне кажется, для тебя все легко и просто. А я тогда, в свои двадцать лет, была робкой, неуверенной в себе, и мое замужество мало что изменило. Я даже не смела обратиться за помощью к Жану и Антуанетте, с которыми — стыдно признаться! — разошлась из-за Этьена. И могла довериться только одному человеку — Соне, у себя в парикмахерской. Она меня поддержала, и я все-таки решилась пойти к адвокату и начать процедуру развода. Когда нам прислали повестку из суда, я чуть не умерла от страха! Как ни странно, Этьен сначала не отреагировал — ходил как пришибленный. Но я боялась, что он скоро опомнится, и сбежала от него к Соне — она меня приютила. Вот как раз в тот момент к нам в парикмахерскую и явились Люк с Виржилом, чтобы постричься...

И лицо Клеманс снова озарила та чуть озорная улыбка, с которой она всегда произносила имя мужа, только теперь это уже не вызвало у Филиппины раздражения.

— Вот оно как... а я почти ничего не знала, — с сожалением промолвила она. — Слышала только, что ваш развод проходил трудно и твой муж вел себя отвратительно, но без всяких

подробностей. Почему ты мне никогда ничего не рассказывала?

– А ты меня ни о чем и не спрашивала, Фил. Вечно сидишь, уткнувшись в книгу, и витаешь в облаках. Да я и сама предпочитаю забыть то время, слишком дорого мне все это обошлось. Нужно было уйти от него гораздо раньше, но я трусила...

– Нет! Тебе ведь хватило мужества сопротивляться и развестись. Надеюсь, он взял вину на себя?

– Ох, все было так непросто! Это ведь я покинула супружеский кров. Но мой адвокат провел дело гениально: обвинил Этьена в патологической ревности, жестоком обращении и запугивании, а поскольку ни детей, ни общего имущества у нас не было, суд вынес постановление о разводе очень быстро.

Рассказывая все это, Клеманс продолжала печь вафли и протянула еще одну Филиппине.

– Потом в моей жизни появился Люк, и это стало настоящим чудом, – весело продолжала она. – А уж когда родились двойняшки, счастливее меня не было женщины на свете. Мне повезло как никому!

Филиппина скептически поморщилась. Быть сиротой, приемным ребенком, а потом женой такого жуткого мерзавца, как Этьен... ничего себе везение! Хотя, конечно, теперь-то Клеманс по-настоящему счастлива во втором браке, в своем материнстве. То есть именно в том, чего Филиппина

никак себе не желала. Со двора донесся шум мотора; женщины насторожились, и Клеманс бросилась к окну.

– Это Люк! – с облегчением выдохнула она.

Неужели они теперь так и будут пугаться каждой машины, подъехавшей к шале?! Это было бы тем более глупо, что в свой первый приход Этьен наверняка проделал конец дороги пешком, – ведь они тогда не слышали шум мотора.

– Займусь-ка я ужином, – решила Филиппина.

Ей вдруг ужасно захотелось, чтобы Виржил поскорей вернулся и обнял ее, но он позвонил днем и предупредил, что, скорее всего, вернется довольно поздно. Виржила уже знали далеко за пределами их региона, и он был очень востребован: некоторые пациенты хотели, чтобы их оперировал только он и никто другой.

Отвернувшись от Клеманс и Люка, которые, как всегда вечером, нежно обнялись, Филиппина начала изучать содержимое холодильника.

Обсуждение плановых операций вылилось в бурную дискуссию. Виржил отказался срочно заняться тяжелым переломом, который сначала хотел взять на себя. Он только что завершил сложнейшую операцию больного, чье нестабильное состояние сильно озаботило всю хирургическую бригаду, а ему еще предстояло до конца рабочего дня вправить вывих бедра.

– Ты всегда хочешь работать с одними и теми же, – упрекнул его один из хирургов. – А мы любим Себастьяна не мень-

ше, чем ты. Почему бы тебе время от времени не менять анестезиолога?

Виржил слегка улыбнулся, делая вид, что согласен, но все же бросил в ответ:

– У каждого из нас свои привычки.

– Да ладно тебе! Просто не хочешь менять состав команды победителей, верно?

– Верно. И тем не менее напоминаю вам, что на прошлой неделе я оперировал с Тьерри.

Сквозь общий хохот присутствующих пробился чей-то голос, напомнивший:

– Просто Себастьян был в отпуске!

Таким образом, Виржил изменил два пункта в графике операций, не меняя при этом имен. Доверие к Себастьяну позволяло ему оперировать спокойно, что не всегда удавалось с другими анестезиологами, и поскольку на Виржила возлагали самые сложные случаи, он полагал, что имеет право выбирать себе помощников. Хотя он очень редко злоупотреблял прерогативами главврача, и все это знали.

– Ладно, – сказал он, бросив взгляд на стенные часы, – если ни у кого больше нет вопросов, я пошел; мой рабочий день еще не закончен.

Он вышел из комнаты совещаний и направился в операционный блок, сосредоточившись на вывихе и надеясь, что ему удастся с ним справиться. Пациент был молодым, здоровым парнем, который жестоко покалечился при спуске с

горы. Перед собранием Виржил осмотрел его: больной явно надеялся, что быстро встанет на ноги. Однако, даже если операция пройдет удачно, бедняге придется дней десять пролежать на вытяжке, потом пару месяцев проходить на костылях и лишь затем начать реабилитацию. Мало того, что у него пропали каникулы, – он рисковал пропустить целый триместр занятий. И вообще – что ему понадобилось на черной трассе ⁸ в первый же день пребывания в горах?! При этой мысли Виржилу ужасно захотелось посвятить все следующее воскресенье горным лыжам. Каждую зиму они с Люком усиленно тренировались, чтобы не потерять форму и сохранить квалификацию хороших лыжников. Это теоретически могло предохранить их от несчастных случаев. Конечно, при условии, что они не стали бы лихачить, как мальчишки, но уж это – как получится...

– Операционная подготовлена, – дoloжила медсестра.

Виржил кивнул и подошел к одной из раковин, чтобы вымыть руки до локтей. Как начальник, он пристально следил за тем, чтобы весь медперсонал неукоснительно соблюдал гигиену, причем не только в операционных. Вот уже много месяцев он требовал от администрации, чтобы все стальные дверные ручки сменили на медные, поскольку медь была природным антибактериальным металлом. Тесты, проведен-

⁸ Черная горнолыжная трасса – спуск высокого уровня сложности, в отличие от зеленой (для начинающих), синей (низкого уровня сложности) и красной (среднего уровня сложности).

ные в больницах Рамбуи и Аньера, показали, что она позволяет успешно бороться с внутрибольничной инфекцией – настоящим бедствием, уносящим более трех тысяч пациентов в год. Но вот незадача: медь была очень эффективной, но притом и очень дорогостоящей.

– Вечная проблема – деньги! – буркнул он себе под нос.

– Вам что-то нужно? – робко спросила перевязочная медсестра, еще не знакомая Виржилу.

Обернувшись, он взгляделся в девушку: надо же, совсем молоденькая.

– Нет, спасибо. А вы... Ага, вспомнил, – вы подменяете Брижит, которая ушла в декрет, не так ли?

– Да, это так.

Отвечая ему, девушка покраснела, – она ужасно смутилась, что происходило почти со всеми новыми членами хирургической бригады. Виржил понял, что должен ее приободрить, если хочет, чтобы она эффективно работала.

– Ну что ж, очень рад, добро пожаловать в нашу команду, – ласково сказал он.

– О, для меня большая честь работать под вашим началом, доктор Декарпантри, – робко произнесла она, но с такой готовностью, словно отвечала хорошо заученный урок.

– Ну, предупреждаю вас, что это не всегда так уж приятно, – со смехом ответил он.

– Вот именно, – подтвердил Себастьян, который в этот момент зашел в помывочную. – Он бывает просто ужасен, но

только по вечерам в полнолуние. Когда в нем наверняка просыпается оборотень...

Девушка улыбнулась и, похоже, слегка расслабилась. Виржил и Себастьян понимающе перемигнулись перед тем, как войти в операционную. Себастьян давно уже привык шутить на эту тему: его и забавляло и немного раздражало впечатление, которое Виржил производил на женский персонал больницы. Он посмеивался над дифирамбами, подслушанными ненароком у молоденьких медсестер, обсуждавших главврача: *«Виртуозная техника... потрясающее обаяние... лазурные глаза – просто умереть можно!»* Все эти и многие другие восторженные отзывы вызывали у него смех. «Ты можешь выбрать среди них любую, стоит только мигнуть», – говорил он Виржилу с легкой завистью. Но Виржил хранил верность Филиппине и был совершенно равнодушен к чувствам, которые вызывал у дам персонала. А главное, даже будучи одиноким, он никогда в жизни не завел бы роман с женщиной, имеющей хотя бы какое-то отношение к его больнице. Виржил раз и навсегда взял это за правило и часто убеждал Себастьяна, что это единственный способ избежать проблем. Увы, Себастьян был не в силах бороться с искушением – вот и эта новенькая сестричка уже заставила его «сделать стойку». Если он сможет ей внушить, что Виржил недоступен, может, и у него самого появится шанс на успех?

Впрочем, сейчас, подойдя к операционному столу, он выбросил из головы все, что не имело отношения к анестезии.

Виржил, будь он ему трижды друг, не простил бы ни малейшего промаха.

А Этьен никак не мог утомониться. Снова увидев Клеманс, он пришел в полное неистовство, чего и следовало ожидать. Он так давно, так упорно думал о ней! Думал все с той же страстью и той же яростью, бередившими его душу. А ведь после развода он поклялся себе подвести черту под прошлым, забыть о ней, послать к черту все воспоминания об их браке. И, конечно, это ему не удалось. Мало того, что он не смог отрешиться от мыслей о бывшей жене, – раненая гордость по-прежнему заставляла его страдать. А ведь он попытался заменить Клеманс несколькими случайными связями, которые продлились совсем недолго, а потом еще одной, более прочной, но и она, увы, закончилась полным фиаско. Как будто над ним довлело какое-то проклятие. Или же виной всему это поганое женское коварство?! Вот с Клеманс он пережил настоящий самум. Она была тогда очень красива, да и осталась такой, ничуть не изменилась. Аппетитная, соблазнительная, почти всегда покорная, а иногда и чуточку строптивая, но быстро уступавшая: от всего этого он прямо с ума сходил. Как же горько он сожалел, что ему не удалось сделать ей ребенка! Не то чтобы он хотел детей, они его не интересовали, но это, по крайней мере, помешало бы ей уйти. А может, следовало заставить ее продать свою парикмахерскую? Или хотя бы потребовать, чтобы она обслуживала только женщин и чтобы ни один мужчина не переступал по-

рог салона? А так, конечно, она принимала там, в своем халатике, сотни всяких типов, суежилась вокруг них с ножницами в руке, улыбалась им, поглаживала по затылкам... От одной этой мысли он приходил в бешенство. Ведь именно так ее и соблазнил этот Люк Вайян! Небось посылал ей томные взгляды в зеркало, поощрял ее к признаниям и обещал помочь. Да, именно так: Этьен был твердо убежден, что, если бы не этот тип, Клеманс, которая его стригла, никогда в жизни не посмела бы подать на развод. И вообще: наверняка она жаловалась на мужа, слушала советы всех окружающих, например Сони, той девицы, что работала вместе с ней в салоне, или приемных родителей – Жана и Антуанетты. Вот их-то Этьен возненавидел в первую очередь. Достаточно только вспомнить, с каким подозрением они на него смотрели, как брезгливо морщились и поджимали губы, – хорошо, что он сразу же дал им от ворот поворот. А что они себе вообразили?! Небось подумали, что он зарится на этот убогий салон, который Клеманс купила на их денежки?! Если так, то они сильно ошиблись, он строил совсем другие планы! Этьен был опытным электриком и прекрасно знал, что его охотно возьмут работать на любое местное предприятие. Но он предпочитал быть вольным стрелком, нередко брал плату наличными и никогда не испытывал нужды в деньгах. И не жалел их, чтобы побаловать Клеманс, часто водил ее в бутики и покупал красивые шмотки, а главное – дорогое белье (которым только он один и любовался), и нередко приходил

домой с букетом цветов или с бутылкой хорошего вина. Словом, ей не в чем было его упрекнуть. Если не считать оплеух, которые он ей отвешивал время от времени и из-за которых она поднимала такой шум, хотя могла бы сообразить, что заслуживала настоящей трепки, если уж на то пошло. По правде говоря, со времени их развода он частенько об этом подумывал: не излупить ли ее как следует за то, что променяла его на другого? Да еще на какого-то жалкого автомеханика!

Бывали вечера, когда мысли о мести и реванше взрывались у него в голове, словно фейерверк. Избавиться от Люка Вайяна. Вернуть Клеманс. Увезти ее подальше отсюда, пускай даже возьмет с собой девчонок, если захочет. И, кстати, именно они будут прекрасным залогом того, что она не станет поднимать шум.

Он долго вынашивал всевозможные планы, но ни один из них не был идеальным. И наконец все же решил вернуться. Что толку сидеть в сотнях километров от Клеманс – так он совершенно бессилен. И зачем только он уехал так далеко? Да, ему хотелось находиться подальше от нее, но и это его не утихомирило. Жизнь в Амьене ему не понравилась, и он начал постепенно продвигаться к югу, словно его магнитом туда тянуло. Прожил два месяца в Шатору, перебрался в Клермон-Ферран. Поскольку ничто его не связывало, он ехал, куда хотел, находил себе работу, подзарабатывал денег, немного откладывал. Вел простую жизнь, совсем не пил, почти ни в чем не нуждался. И с бабами тоже ника-

ких проблем: им нравился этот мрачный, нелюдимый медведь, его властный, крутой нрав. Но вот беда: ему всюду было неуютно, и в конечном счете он понял, что должен вернуться домой. Этьен вырос на ферме, затерянной в горах, возле перевалка Нуайе, где его родители разводили овец. Он был всем сердцем привязан к этому краю и тосковал по нему. Почти так же сильно, как по Клеманс! И вот теперь, вернувшись сюда, сразу почувствовал, что ему полегчало. Он был готов бороться за то, чтобы вернуть себе эту женщину, которую до сих пор считал своей супругой, по крайней мере перед Богом, — ведь в церкви можно венчаться только единожды, и клятва, данная перед алтарем, нерасторжима. Уж он-то сможет напомнить об этом Клеманс, когда снова встретится с ней!

Для начала он снял жилье на въезде в Гап. Совсем маленький, скромный домишко, никакого сравнения с шале, где теперь жила Клеманс. Но только оно, похоже, принадлежало не ей, как он разузнал, порасспросив бывших знакомых. Наверняка его владельцем был этот хирург — Декарпантри. Разве автомеханик и парикмахерша могли купить себе такое?! Вот он и объяснит Клеманс, что лучше быть хозяйкой маленького домика, чем жить из милости в большом шале, у чужих.

Оставалось придумать, когда и как застать ее одну, чтобы поговорить начистоту. Конечно, сначала она заартачится, и Этьен был к этому готов, но потом он все равно ее убедит, у него найдутся серьезные аргументы. В частности, самый

главный – постель. Ведь он всегда умел доставить ей удовольствие, разве не так? Она, конечно, для виду жеманилась, но все равно ценила его как мужчину. Да и во всем остальном ей не на что было жаловаться. Разве на то, что он чересчур сильно ее ревновал. Ну так это понятно: когда любишь, поневоле ревнуешь, что тут такого?! А ревновать красивую женщину, да еще свою жену, – понятно вдвойне. Интересно, ревнует ли ее этот Люк Вайян? Да нет, вряд ли, он ведь был *потом*, какие у него права?! Разве что он – отец этих девчонок... Ну что ж, тем хуже – значит, придется решать еще одну проблему. Этьен понимал, что нужно действовать методично – вот так же, как при установке электрощита.

Его охватил неприятный озноб, и он выглянул наружу. На толстый слой снега, засыпавшего палисадник, уже спускалась ночная тьма. А проезжая часть по всей улице была покрыта жидкой серой грязью, образовавшейся под колесами автомобилей; скоро и она заледенеет. Интересно, закрыла ли уже Клеманс свою парикмахерскую? Ему не терпелось пойти туда, взглянуть на нее еще разок, но он сдержался. Сейчас ему нельзя слишком часто показываться на глаза. Еще успеется. Главное сделано: он сюда вернулся.

Посвистывая, Этьен включил радио, проверил, работает ли отопление на полную мощность. Арендная плата была невысока, да эта хибарка большего и не стоила. И вообще, он здесь временно, хватит с него и этого. Печка работала исправно, и он сунул в нее две большие пиццы разом. У Этье-

на был зверский аппетит – что правда, то правда, – да это и неудивительно: при его-то росте под два метра и стокилограммовом весе.

– Ну вот, мне уже пора обсудить свою диссертацию с руководителем, – объявила Филиппина за ужином. – У меня назначена с ним встреча на пятницу в Париже, заодно я там улажу несколько других дел. Уезжаю завтра и думаю, что вернусь во вторник или в среду.

Эта новость явно огорчила Клеманс. С момента появления Этьена ей было необходимо присутствие Филиппины во второй половине дня, когда она возвращалась домой. Люк почти всегда приезжал после нее, а Виржил и вовсе поздно вечером – значит, теперь ей и девочкам придется несколько часов оставаться одним. Но Филиппина ездила в Париж четыре-пять раз в году, либо из-за своих занятий, либо ради встреч с нотариусом, который управлял ее имуществом и деньгами. Она оставила за собой красивую студию на бульваре Сен-Жермен, которая теперь служила ей временным пристанищем, и любила погружаться на несколько дней в атмосферу столицы. Виржил сопровождал ее крайне редко, и только в этих случаях наносил визит вежливости своим родителям. Они так и не поняли и не приняли выбор своего сына, и их отношения были крайне холодными. Что же касается его дяди, великого медицинского светила, возжелавшего руководить карьерой племянника, то он вообще больше не разговаривал с племянником. Единственная сестра Вир-

жила – Летиция – покорно вступила на родительский путь, став финансистом, и работала в отцовском банке. Она была на семь лет младше брата, и его ссора с родней произвела на нее гнетущее впечатление. Чтобы не участвовать в этом конфликте, она встречалась с братом тайком, скрывая это от родителей; Виржил находил такое поведение и ребяческим, и обидным для себя.

– Виржил, ты, как я понимаю, со мной не поедешь? – поинтересовалась Филиппина.

– Никак не смогу, у меня слишком плотный график операций, и так наверняка будет до самой весны.

Филиппина уже привыкла к его отказам и не огорчилась, но при этом она заметила, как повеселела Клеманс, и ободряюще улыбнулась ей.

– Ну вот, моя красавица, тебя будут оберегать сразу двое мужчин!

– Я постараюсь возвращаться вечером не слишком поздно, – обещал Люк, накрыв ладонью руку жены.

Впрочем, он говорил так лишь в утешение: если Клеманс могла оставить парикмахерскую на Соню, то кроме Люка никто в салоне продажами не занимался.

– И вообще, давайте не будем паниковать из-за этого Этьена, – решительно добавил он.

Тем не менее они думали о нем, все четверо, и нависшая над ними угроза лишала их душевного покоя. До сих пор уединенное местоположение шале казалось его владельцам

преимуществом. Ближайшие соседи жили ниже по склону, почти в долине, а с их вершины открывался потрясающий вид на всю округу; кроме того, с началом зимнего сезона они могли сколько угодно ходить на лыжах. И когда к ним в гости приезжали друзья, можно было шуметь и веселиться, никому не мешая, что зимой, что летом. Единственным недостатком бывало иногда смутное ощущение оторванности от цивилизованного мира там, внизу; впрочем, до сих пор это не тяготило ни Клеманс, ни Филиппину.

– Если он еще раз сюда пожалует, достаточно будет сообщить в жандармерию, – добавил Виржил.

– А что мы им скажем? Этьен, конечно, с виду настоящий громила, но это чисто субъективное впечатление. На самом деле он ничем нам не угрожал, ни Филиппине, ни мне. А зайти повидаться – это не преступление. У жандармов и без нас дел хватает. И даже в те времена, когда мы разводились и он меня преследовал, это была чистая показуха, чтобы привлечь ко мне внимание сил правопорядка!

В голосе Клеманс звучала горечь. Ей хотелось забыть тот период своей жизни, когда она чуть с ума не сошла от стыда, страха и чувства вины, – слава богу, именно тогда и появился Люк.

– Кто-нибудь хочет травяной отвар или рюмочку ликера? – спросила Филиппина, встав из-за стола.

Мысленно она уже была в Париже, беседуя со своим руководителем. Виржил проводил ее взглядом, когда она напра-

вилась к кухонной стойке. Хотя Филиппина и утверждала, что ей нравится жизнь в горах, он верил ей лишь отчасти. Из своих парижских поездок она всегда возвращалась со множеством впечатлений и рассказов – о друзьях, с которыми увиделась, о бутиках, в которых накупила обновки, о книгах, которые привезла с собой. Все это свидетельствовало о том, что ей было там хорошо. Неужели она сидела здесь, в горах, только из любви к нему? Она не хотела детей, не желала себя связывать, тогда как он только об этом и мечтал. Несколько месяцев назад Виржил повез ее ужинать в «Перечную мяту» – ресторан в Гапе, который он высоко ценил за прекрасную кухню; когда они сели за стол в красивом сводчатом зале, он заказал шампанское и протянул ей маленький футляр. Но Филиппина даже не подумала взять его, – только улыбнулась и отрицательно покачала головой: «Я догадываюсь, что ты хочешь мне сказать, но, к сожалению, для меня время еще не пришло. Положи его в карман, Виржил, ты подаришь мне его, когда настанет *тот самый* момент». Несколько секунд он сидел неподвижно, в полной растерянности. Тем более что он с большим трудом выбрал подходящее украшение, которое могло ей понравиться, только это было не кольцо, а серьги. С помощью этого неожиданного подарка он надеялся завязать с ней серьезный разговор о будущем. Виржил был готов дать Филиппине подумать еще какое-то время, но ему все же хотелось понять, каким она представляет себе их будущее. Сам он твердо знал, что его желание создать семью

с годами будет только усиливаться. Когда кто-нибудь из его коллег объявлял в больнице, что у него родился ребенок, и делился своими отцовскими восторгами, Виржил втайне ему завидовал. В таких случаях он всегда преподносил счастливому родителю плюшевого медвежонка или еще какую-нибудь игрушку, хотя, посещая детский магазин, чувствовал неодолимое желание испытать и самому радости отцовства. И чем более он приближался к сорока годам, тем сильнее становилось это чувство. Он уважал решения Филиппины, понимал ее жажду независимости, но все чаще спрашивал себя: а стоит ли им и дальше идти вместе по жизненному пути?

Вероятно, Филиппина заметила этот устремленный на нее взгляд и, поставив на низкий журнальный столик поднос с напитками, присела рядом с Виржилом.

– Если тебе неприятно, что я уезжаю...

– Да вовсе нет.

– Понимаешь, мне обязательно нужно узнать, в правильном ли направлении я работаю. В последнее время мне стало казаться, что я выбрала не тот путь...

– Да я все прекрасно понимаю, дорогая.

– А ты, Клеманс, – ты уверена, что все будет нормально?

– Конечно! И не переживай так. Только вот если решишь там задержаться, сообщи мне. В этом случае я, может быть, попрошу приехать Жана и Антуанетту, они только об этом и мечтают.

– Прекрасная мысль! – одобрил Люк. – Мои старики тоже соскучились по внукам и охотно приедут. Вообще-то они наметили себе следующий месяц, чтобы погреться на февральском солнышке, но вполне могут ускорить свой приезд.

Клеманс, слегка успокоившись, взглянула на него с благодарной улыбкой. В шале была комната для гостей, позволявшая принимать их, не создавая неудобств хозяевам, и они всегда были им рады.

– Да, пускай твои приезжают! – одобрил Виржил.

Когда он учился в Париже, родители Люка всегда радушно принимали его у себя. В то время он уже почти окончательно порвал со своей семьей, и теплая, гостеприимная атмосфера в доме Люка доставляла ему те радости, которых он больше не находил под отеческим кровом.

– Обожаю беседовать с твоим отцом, он обо всем судит так здраво и в то же время оригинально. А если бы еще твоя мама сотворила нам свое знаменитое рагу под белым соусом!...

– Но ведь придется рассказать им про Этьена? – тоскливо спросила Клеманс.

Ей страшно не хотелось обсуждать проблему с бывшим мужем в присутствии его родителей, – до сих пор в разговорах с ними она старательно избегала этой темы. И сейчас, сидя со слезами на глазах, она выглядела совсем потерянной. Воспоминания о тех временах подавляли ее, Клеманс чувствовала себя растоптанной, униженной. Ей пришлось

откровенно рассказать все Филиппине, чтобы внушить, насколько опасен Этьен, но она даже в этом уже раскаивалась.

— Ну так что же делать? — настаивала она, пристально глядя на Люка. Но тот не отвечал, — вместо него заговорил Виржил, мягко, но уверенно:

— До сих пор мы с ними обо всем говорили откровенно. Они же любят тебя, Клеманс. Ты осчастливила их сына, подарила им таких замечательных внушек, — как же они могут осуждать тебя за твое прошлое?!

— Тем более что ты ни в чем не виновата, — убежденно добавила Филиппина.

Клеманс хотелось возразить, но она сдержалась. Конечно, она не виновата, но ведь теперь все они встревожены именно из-за нее. И встревожены не без оснований — уж она-то знала: если Этьен что-нибудь задумает, его никто не остановит. И его возвращение не было случайностью: он не забыл и не простил ее.

— Мы хотели закончить уборку в гараже перед тем, как пойти спать, — напомнил Люк Виржилу, вставая из-за стола. — Там и дел-то всего на четверть часа.

Виржил удивленно взглянул на друга, но все же пошел за ним следом. Они вышли на лестницу и прикрыли за собой дверь.

— Что это на тебя нашло — убираться ночью? — полушутливо спросил Виржил.

В подвале было холодно; он снял с вешалки пару курток, —

одну бросил Люку, вторую надел сам. Обогнув стоящие в ряд машины, они прошли в глубь гаража, где хранились лыжи и стоял верстак с инструментами.

– Я просто хотел поговорить с тобой наедине, – вполголоса объяснил Люк.

– Я уже догадался, мне ведь известно, что здесь у тебя полный порядок. Ты беспокоишься за Клеманс?

– Да вот, не могу придумать, каким образом защитить ее от этого типа. И не только ее одну, но и девочек.

– Ты считаешь, что он способен навредить детям?

– Он же сказал, что вернется, вот я и хочу все предусмотреть. Значит, как мы уже решили, я завтра же утром позвоню родителям. Они, конечно, приедут, но, ясное дело, не смогут жить здесь несколько месяцев! Я вот что подумал: может, завести большую сторожевую собаку, чтобы отпугивала посторонних?

– Филиппина боится больших собак.

– Ах да... правда...

– И это очень жаль, потому что мне хотелось бы иметь здесь такую.

Они помолчали несколько минут, подыскивая нужное решение.

– Я мог бы сходить к нему и поговорить, – сказал наконец Люк.

– Нет, ты только подольешь масла в огонь. Мне кажется, тебя-то он ненавидит сильнее всего.

– Но мы не можем вечно жить под такой угрозой! Клеманс только об этом и думает. Да и я тоже.

– Но ты ведь сам сказал, что не из-за чего так психовать. Чем больше мы говорим об Этьене, тем сильнее боится твоя жена. Надо попытаться забыть о нем. А вот если он заявится сюда еще раз, тогда уж мы с ним объяснимся раз и навсегда.

– Мы-то объяснимся, но он может застать Клеманс одну. А она буквально цепенеет перед ним, как кролик перед удавом.

– Ты напрасно считаешь, что твоя жена – такое робкое создание, это совсем не так. Вспомни: когда он сюда явился, она не испугалась и сумела выставить его вон.

– Да я знаю, что она на многое способна, но перед этой скотиной... Этьен ведь не просто зверь, он *бешеный* зверь! Сколько лет прошло, а он все еще одержим мыслью о ней, – на такое способен только безумец. Настоящий безумец, в медицинском смысле этого слова.

Виржил обескураженно покачал головой.

– Мне ничего путного не приходит в голову. Попроси Клеманс быть осторожной, крайне осторожной. И если произойдет еще что-нибудь в этом роде, мы обратимся к властям. Я знаком кое с кем в жандармерии, они примут мое заявление всерьез.

Люк кивнул, но было очевидно, что Виржил его не убедил.

– Впервые жалею, что поселился здесь, – буркнул он, направившись к лестнице.

Виржил догнал его и остановил, положив руку на плечо.

– Постой... Объясни, что ты имеешь в виду.

– Мы живем вдалеке от города. В полной изоляции. Когда мы покупали это шале, нам именно это и понравилось. Жить вдали от цивилизации, на склоне горы, – ах, до чего соблазнительно! Сколько раз мы съезжали на лыжах прямо от самого шале, счастливые, как мальчишки! Зато моя жена и мои дочери каждый день должны ездить в город, а когда они возвращаются домой, то подвергаются риску. До сих пор мне это как-то в голову не приходило. Но если почитать газеты, там полно рассказов о несчастных случаях, Виржил, а они происходят не только с другими! Какому-нибудь ревнивцу или отчаявшемуся типу вдруг что-нибудь ударит в голову, и он стреляет в толпу... Не знаю, есть ли у Этьена оружие, не знаю, *правда* ли он опасен, но такая возможность не исключена. А это огромный риск...

– Хорошо, я понял. Если ты считаешь, что твоя семья будет в большей безопасности в самом Гапе, в квартире или в доме, давай продадим шале, хочешь?

Люк, пораженный этим предложением, изумленно воззрился на Виржила.

– Мы ведь договорились, что, если один из нас захочет покинуть шале, с этим никаких проблем не будет, – напомнил тот.

– Да, но... Нет, ни за что! Слишком жаль было бы расстаться с ним. Да к тому же мы еще не выплатили весь кре-

дит, и...

– Неубедительный довод, старина. Мы ведь внесли в шале много всяких улучшений и тем самым повысили его стоимость, ты прекрасно это знаешь.

– Знаю... как знаю и то, что мне не хочется его покидать. И Клеманс тоже не захочет, несмотря на все ее страхи. Здесь наши девчонки живут как принцессы, находятся на воздухе круглый год, зимой и летом. И места в шале достаточно, чтобы принимать родных, и мы так сжились друг с другом, все четверо, разве нет?

– Люк, проблема в другом. Мы сейчас говорим о безопасности. Ты *хочешь* уехать отсюда?

– Но, послушай, как ты можешь говорить об этом... так спокойно?

– Я вовсе не спокоен. Мы выбрали это шале и совместную жизнь несколько лет назад, взвесив все «за» и «против», но теперь ситуация может со дня на день измениться, и я не собираюсь упрекать тебя в этом. Ты мой самый близкий друг и останешься им, так что выбирай сам, что будет лучше для твоей семьи.

Казалось, эти слова должны были убедить Люка в готовности Виржила прийти на помощь, и все же на миг ему показалось, что их прочное взаимное доверие слегка поколебалось.

– Неужели ты готов бросить шале без всяких сожалений? – пробормотал он. – Ни за что не поверю!

– Думай в первую очередь о том, как защитить семью, и пусть тебя не волнуют мои сожаления.

– Виржил, да что с тобой творится?

Люк совсем растерялся: он не понимал, чем объясняется та холодная логика, с которой рассуждал Виржил.

– Может, я тебя... чем-то обидел? – робко спросил он.

– *Обидел?* С чего это ты взял? Оттого, что я не муж Клеманс и не отец девочек, они мне не менее дóроги, и я проклял бы себя, случись с ними что-нибудь плохое. Но не могу же я принять решение вместо тебя!

– Да я и не собираюсь принимать решение прямо сейчас. Пока что я просто обсуждаю с тобой все возможные варианты. Ох, не надо было мне говорить, что я сожалею о здешней жизни, ведь это неправда – просто минутная слабость.

– Ты же никогда не поддавался слабости, Люк.

– Ну, значит, я и сейчас не позволю запугивать себя этому типу, который возник из прошлого. И пошлю его туда, да так основательно, чтоб он больше не возвращался! – объявил Люк, внезапно почувствовав себя решительным и сильным.

– Ладно, значит, уборка закончена? – иронически осведомился Виржил.

– Да, теперь у меня полный порядок!

Они с улыбкой обменялись многозначительными взглядами, весело расхохотались, снова, как всегда, почувствовав себя единомышленниками.

– Свяжись с электриком, и пусть установит нам этот зна-

менитый тревожный звонок, — добавил Виржил, направившись к лестнице.

Мужчины застали Филиппину и Клеманс в холле; женщины весело болтали у ярко пылавшего камина, куда они подложили толстое полено.

— Опять пошел снег! — объявила им Клеманс.

За все время, что они прожили в шале, нынешняя зима оказалась самой холодной. Но благодаря прочным стенам и крыше, а также тройным стеклопакетам, внутри всегда сохранялось приятное тепло; тем не менее они почти каждый вечер разжигали камин, ради удовольствия посидеть у огня. Филиппина приносила с собой легкие, но теплые пледы и расстилала их на двух больших диванах, где любила читать или вести разговоры, а Клеманс часто зажигала свечи с ароматом корицы или сандала. Они редко спорили и всегда находили общий язык во всем, что касалось общего быта. Зато на втором этаже, в своем личном пространстве, каждая пара жила как хотела.

Люк открыл один из внутренних ставней и включил лампу над крыльцом. В ее свете замелькали крупные снежные хлопья.

— Завтра утром, перед отъездом, придется ждать снегоуборщика... если он вообще сможет сюда подняться! Филиппина, в котором часу у тебя поезд?

— Без четверти одиннадцать. Я поеду с кем-нибудь из вас, не хочу оставлять свою машину у вокзала на много дней.

Встав, она потянулась и взяла за руку Виржила.

– Пойду наверх, собирать чемодан. Ты идешь?

Тот ответил ей какой-то равнодушной улыбкой и двинулся следом.

– Тебе не кажется, что Виржил в последнее время какой-то... напряженный? – шепнула Клеманс, когда они остались одни. И, вытянувшись на диване, положила голову на колени Люку. – Он ходит хмурый и разговаривает неохотно, – добавила она. – Совсем на себя не похож. Может, у него проблемы – с Филиппиной или в больнице?

– Со мной он ничем таким не делился, – ответил Люк. – Но я с тобой согласен, – видно, его что-то угнетает. Только я не думаю, что это связано с работой. Могу сказать одно: Филиппина слишком долго тянет с детьми и тем самым загоняет его в угол. Он, конечно, любит ее, но все-таки наверняка задает себе вопрос: когда же? Я вот смотрю, как он относится к Эмили и Жюли... Сразу видно, что он обожает детишек и тоже хочет их. Но не через десять же лет...

– Не все женщины мечтают о материнстве. Филиппина держится за свою свободу, не желает себя связывать. Будь ее воля, она бы полгода путешествовала по всему свету, а остальное время просиживала в библиотеках.

– Прекрасная программа... только какое место в ней отводится Виржилу?

– Вот это его и оскорбляет.

– Он тебе что-нибудь говорит на этот счет?

– Да так, намеками. Но в последнее время все реже и реже.

– Может, их роман подходит к концу? Только что Виржил сказал мне, что был бы счастлив завести собаку, вот только Филиппина их боится. В общем, ни детей, ни собак, то есть никаких привязанностей и обязанностей...

– Но я уверена, что она его любит.

– Любовь – это, помимо прочего, умение разделять с любимым человеком и то и другое. Мне кажется, Виржил страдает оттого, что Филиппина ему в этом отказывает. Он человек умный и прекрасно понимает, что ему вряд ли удастся ее перевоспитать.

– И это очень жаль, – пробормотала Клеманс, ее уже постепенно одолевала дремота.

Она высоко ценила Виржила: со временем он стал для нее не только другом Люка, но и ее собственным. Вот уже несколько лет она лелеяла надежду, что он женится на Филиппине, радовалась за него. Однако теперь было ясно, что этот брак маловероятен. И тогда какой же станет их совместная жизнь? Былое равновесие грозило разрушиться, а к этой угрозе добавилось еще и появление Этьена в Гапе. Клеманс тяжело вздохнула и прикрыла глаза. Скоро надо будет разгрести угли в камине, поставить перед ним экраны и идти наверх, но ей хотелось еще хоть несколько минут полежать на диване, прильнув к Люку, чтобы насладиться чувством покоя, которому, возможно, не суждено быть долгим.

Филиппина расхохоталась, услышав новую шутку своего руководителя, который обожал затейливую игру слов. Они сидели в ресторане «Букинисты», куда она пригласила его на обед и где они долго обсуждали работу Филиппины, решая, в каком направлении ей двигаться.

– Ваше упорство, как всегда, принесло свои плоды. Вы действительно глубоко проникли в тему и дали ей очень интересное освещение. Если последуете моим советам, то результат, я полагаю, будет... блестящим.

Филиппина в полном восхищении заплатила по счету, невзирая на протесты профессора, и проводила его до метро. У нее оставалось еще немного времени на шопинг перед встречей с Летицией, сестрой Виржила. Поездка в Париж пришлась очень кстати: недавно Летиция позвонила ей и сказала, что им необходимо увидеться и обсудить одну семейную проблему, – это звучало довольно загадочно, и Филиппине не терпелось узнать, в чем же дело. Что значит «*семейная проблема*»? Она не была знакома с родными Виржила, да и сам он категорически не желал с ними общаться.

В Париже было совсем не так холодно, как в Гапе, и Филиппина воспользовалась этим, чтобы прогуляться по городу, останавливаясь перед витринами. В конечном счете она купила себе элегантные сапожки на высоких каблуках, ко-

которые уж конечно не сможет носить, живя в шале, но они ей очень понравились, и она решила оставить их здесь, в своей парижской студии. Потом, не удержавшись, приобрела куртку на гусином пуху – очень теплую, хотя и безумно дорогую, – убедив себя, что такая одежда насущно необходима при жизни в горах. Этой возможностью сорить деньгами, никому не отчитываясь, она была обязана своим деду и бабушке и в такие моменты всегда с благодарностью думала о них. Они избавили внучку от денежных забот, оставив ей половину своего состояния. Вторая половина была завещана ее родителям, но мать Филиппины тоже вскоре умерла, и она получила еще одно наследство. Ее отец женился два года спустя и уехал к своей второй жене в Квебек. Раз в месяц он присылал дочери длинное послание, а раз в год приезжал в Париж, чтобы обнять ее и убедиться, что с ней все в порядке. Правда, едва приехав, он уже торопился назад, но всегда приглашал Филиппину к себе в Канаду и каждый раз уверял ее, что «в случае чего всегда готов помочь». Словом, у них были мирные и теплые отношения, но Филиппина не стремилась видаться со своей мачехой. Ей достаточно было знать, что отец любит свою единственную дочь даже на расстоянии.

Летиция уже поджидала Филиппину, когда та, нагруженная покупками, открыла дверь паба на улице Отфёй, где была назначена встреча. Виделись они нечасто и в первую минуту ощутили легкую неловкость; потом Летиция спросила,

как поживает ее брат.

– У Виржила все прекрасно, он весь в работе! Но ты же его знаешь – он это обожает.

– А какая у вас там погода? Похоже, вы все время живете в снегах...

– Да, снега полно и холодно, как на Северном полюсе. Слава богу, у нас очень комфортабельное шале, а благодаря Люку мы не боимся гололеда, иначе не смогли бы и выезжать из дома.

Говоря это, Филиппина рассматривала Летицию, – похоже, та была в хорошей форме. Строгий элегантный костюм, подобающий бизнес-леди, – этот имидж нарушали только распушенные, слишком длинные волосы. Темно-голубые глаза с золотыми искорками, совсем как у брата, – правда, она не обладала его харизмой и уверенностью в себе. Они с Филиппиной были почти ровесницами, но, несмотря на это, Летиция никогда не пыталась сблизиться с ней.

Филиппина очень рано начала вести самостоятельную жизнь, и поэтому ей казалось очень странным, что Летиция все еще находится под опекой родителей.

– Так о чем ты хотела со мной поговорить? – спросила она, решив положить конец банальностям, которыми они обменивались.

Но тут подошел официант, и они заказали два бокала пуйи.

– У меня к тебе весьма деликатная просьба, – объявила

наконец Летиция. – Дело в том, что у папы скоро будет семидесятилетний юбилей... Мама хочет отметить это событие и организовать грандиозный прием, созвав всю родню и близких друзей. Она очень надеется, что Виржил тоже приедет, потому что без него...

И она замолчала, явно ожидая, что Филиппина как-то отреагирует. Однако та молчала, и Летиция продолжила:

– Виржил и папа, конечно, не ссорились, просто они слегка обижены друг на друга, и этот юбилей – идеальная возможность для примирения. Разумеется, ты тоже приглашена. Мы назначили праздник на последнюю субботу февраля, то есть почти через месяц. Отмечать будем у нас дома, мама уже начала готовиться, а ты знаешь: она скупиться не будет и устроит роскошное действо.

– Да, могу себе представить.

– Послушай, ты единственный человек, который может уговорить Виржила приехать. Я знаю, что папа очень переживает из-за того, что они почти не видятся, разорвали отношения. Но это слишком глупо: они просто не поняли друг друга, обыкновенное недоразумение. А между тем проходят годы, и папа не молодеет.

Филиппина вздохнула:

– Летиция, ты сама-то себя слышишь? *Папа* то, *мама* это – можно подумать, ты малый ребенок!

– Ну, это я здесь так выражаюсь, у нас же разговор приватный! А в банке я его называю, как все, «господин дирек-

тор»». Но ты пойми: эта годовщина символична, она означает конец его профессиональной деятельности, и ему трудно с этим свыкнуться. А примирение с сыном было бы для него самым большим счастьем, какое только можно себе представить.

– До сих пор вы что-то не очень заботились об этом «большом счастье». Если бы вы искренне хотели уладить их ссору, нужно было действовать открыто. А ты все эти годы встречаешься с братом тайком от родителей, как с изгоем, а твоя мать звонит ему лишь тогда, когда остается дома одна. Кстати, почему бы ей самой не пригласить Виржила?

– Потому что она боится услышать отказ. Он ведь может ответить, что завален работой и не может оставить больницу. Хотя каждый работник имеет право взять два свободных дня, верно ведь? В общем, если бы вы провели с нами этот уикенд, было бы грандиозно.

– Это от меня не зависит.

– Нет, зависит. Виржил тебя послушает, ты имеешь на него влияние.

– Да с какой стати мне это делать? Я человек посторонний.

– Не скромничай, Филиппина, ты же живешь с ним. Он, конечно, ведет странную жизнь, забившись в эту дыру на другом конце Франции, и все потому, что не переносил советов старших и...

– В дыру? – сухо перебила ее Филиппина. – Странную жизнь? Но Гап вовсе не дыра, местная больница прекрасно

оборудована, и вдобавок твой брат, как тебе известно, любит жить в горах. А ты из чистого снобизма уверяешь, что оперировать колени и запястья гораздо интереснее в Париже, чем в провинции. Для вас все, что находится за пределами парижской кольцевой дороги, вообще не стоит внимания. Судя по тому, что рассказал мне Виржил, именно это и стало предметом его спора с вашим отцом. Так вот: если вы еще не отказались от этого предубеждения, я сильно сомневаюсь, что ваше семейное сборище пройдет мирно!

– Да не сердись ты так, погоди... Ты же не будешь отрицать, что настоящую карьеру можно сделать только в Париже?

– Твой брат вовсе не хочет делать *большую* карьеру, особенно такую, какую навязывал ему ваш дядя. Он хотел спокойно заниматься своей работой. Делать ее хорошо и в хороших условиях.

– Я знаю. Мой па... мой отец сейчас уже смирился с этим.

– Вот пусть и скажет это Виржилу.

– Он скажет – если вы ему предоставите такую возможность. То есть если вы приедете.

Раздраженная Филиппина залпом допила свое вино. У нее не было ни малейшего желания ввязываться в эту старую семейную распрю. Виржил нуждался не в примирении с отцом и дядей, а, скорее, в другом – в детях, которых она отказывалась ему подарить. Растрогает ли его попытка Летиции? Пойдет ли он на примирение с родными? Что касается ее са-

мой, она вовсе не желала участвовать в этом празднестве, но, с другой стороны, это будет удобным случаем, чтобы провести вместе с Виржилом два-три дня в Париже. Юбилейный обед они как-нибудь переживут, зато потом смогут походить по ресторанам и магазинам, посетить выставки, театр – вдвоем, чего никогда еще не делали. Ну, а заодно она сможет удовлетворить свое любопытство и как следует приглядеться к семейству Декарпантри, которое до этих пор почти не знала.

– Ладно, – наконец сказала она. – Я с ним поговорю; может, мне и удастся его убедить, но я ничего не гарантирую.

– Ну, спасибо тебе! – воскликнула довольная Летиция. Интересно, что ее так обрадовало – перспектива вновь увидеться с братом или только мысль о том, что она выполнила желание родителей? Филиппина предоставила ей возможность заплатить по счету, и они распрощались, обнявшись на прощание.

Клеманс то и дело поглядывала в зеркало заднего вида: она была почти уверена, что ее кто-то преследует. Впервые она заметила это, свернув с дороги, ведущей на Монмор, и взяв курс на Воклюз, и все это время, несмотря на ее попытки набрать или сбросить скорость, машина, идущая сзади, упорно держалась позади, все более приближаясь.

Еще в тот миг, когда Клеманс вышла с двойняшками из школы, у нее возникло неприятное ощущение, что за ней следят, но она одернула себя. Потом, перед тем как выехать из Гапа, она остановила машину у булочной, где привыкла

покупать хлеб, и тут увидела старый черный джип с тонированными стеклами, который уже заметила на улице, где находилась школа.

Неужели это та же машина, что преследовала ее? Снег прекратился, но уже стемнело, и теперь однообразный белый пейзаж переливался в лучах фар блестками инея; в нем было что-то призрачное, что-то чреватое опасностью при езде.

– Мам, ты нас трясешь! – недовольно воскликнула Эмили.

Жюли, как всегда, повторила фразу сестренки, но только плаксивым тоном. На какой-то миг Клеманс отвлеклась от дороги, глянув на дочек, таких похожих внешне и таких разных по характеру. Эмили – решительная, а часто резкая и, вдобавок, спортивная – была типичным экстравертом. Жюли – мягкая и мечтательная – отличалась ранимостью и замкнутым нравом. Обе девочки, темноволосые, как их отец, и сероглазые, как мать, были очаровательны.

Внезапно зеркало заднего вида словно вспыхнуло: машина, которая ехала сзади, приблизилась чуть ли не вплотную, ослепив Клеманс яркими фарами, и на сей раз она явственно почувствовала опасность. Сомневаться не приходилось: этот безумец, ехавший следом, наверняка был Этьеном, даром что она не могла различить лицо водителя. Клеманс было все труднее одолевать многочисленные виражи; она судорожно вцепилась в руль, стараясь не поддаваться панике. Наконец она решила притормозить, включила вторую скорость и свернула на правую обочину, чтобы пропустить сво-

его преследователя, раз уж не удавалось оторваться от него, но он сделал то же самое и теперь ехал меньше чем в метре от ее заднего буфера.

— Мам, что ты делаешь? — всполошилась Эмили. — Посмотри, там кто-то едет прямо за нами!

— Я вижу, дорогая, вижу...

И Клеманс опустила зеркало заднего вида, которое ее слепило.

Теперь оно отражало встревоженные мордашки девочек.

— Поезжай быстрее, мам, ты же его задерживаешь!

Медлить было бесполезно, ее преследователь явно решил не отставать, что бы она ни делала. Клеманс прибавила скорость и выехала на середину узкого шоссе. Если водитель, пытавшийся ее запугать, был Этьеном, она все равно не сможет оторваться от него. Невзирая на прекрасные качества своей «тойоты», Клеманс не очень уверенно чувствовала себя за рулем. Люк на ее месте давно уже разобрался бы с ситуацией, но машина приближалась к перешейку Фестр, а она побаивалась этого сложного отрезка шоссе, расположенного между Серр-Лакруа и Шове, на высоте двух тысяч метров. Дорога выглядела опасно узкой даже в дневное время, а уж сейчас, этой ледяной ночью, и подавно. Клеманс решила, что разумнее все же остановиться. Сейчас они ехали по прямой части шоссе; воспользовавшись этим, она включила указатель поворота, выехала на заснеженную обочину, опустила стекло и, высунув руку, сделала другой машине знак проез-

жать. Но та остановилась за ней, все в такой же угрожающей близости.

– Мам, почему ты остановилась? – звонко спросила Эмили.

– Хотела, чтобы этот господин обогнал нас, дорогая.

Клеманс прождала несколько минут, но тщетно. Она подняла стекло и поняла, что у нее нет никакого желания выходить из машины. Нервными движениями она проверила, надежно ли заперты все четыре дверцы и багажник машины. От этого бесцельного сидения ей становилось только страшнее.

– Поехали, мама, ну поехали! – умоляюще попросила Жюли.

Впервые она заговорила раньше сестры. У этой девочки была сильно развита интуиция, и она легко угадывала чужие эмоции; сейчас ей наверняка передался страх матери. Клеманс подумала: может, позвонить Люку и посоветоваться, что ей делать? Но Люк наверняка еще у себя на работе и ничем не сможет ей помочь.

Все же она бросила взгляд на тачпад и нажала на номер мужа. В машине раздался звонок, но он шел от автоответчика Люка, а это означало, что связаться с ним нельзя. Клеманс вытерла взмокшие ладони о свои вельветовые брюки, включила первую скорость и медленно съехала с обочины на дорогу. Черный джип тут же двинулся следом.

– Черт бы тебя побрал! – пробормотала она. – Прямо как

в «Дуэли» ⁹!

– А что такое дуэль? – поинтересовалась Эмили.

– Это такой фильм, детка... Мне не нравится, что за нами все время кто-то гонится.

– А ты езжай побыстрей, и тогда мы скоро будем дома!

Теперь Клеманс должна была любым способом избавиться от своего преследователя. До шале оставалось всего три километра, – может, ей все-таки удастся отделаться от этого джипа? Но что, если он будет висеть у нее на хвосте до самого конца? Неужели ей придется сидеть вместе с девочками в машине, взаперти? Клеманс довольно лихо одолела первый вираж и констатировала, что расстояние между двумя машинами увеличилось. Взбодрившись, она снова нажала на акселератор. Ей казалось, что она знает дорогу наизусть, может проехать по ней даже в темноте, но стресс и скорость, на которую она решилась, мешали ориентироваться на местности.

А в зеркале заднего вида снова засверкали фары машины, несущейся следом.

Клеманс, уверенная, что цель близка, выжала до предела педаль скорости, и слишком поздно увидела крутой вираж, о котором совершенно забыла; «тойота» пропахала сугроб и врезалась в склон. В ужасе Клеманс дала было задний ход, надеясь, что четыре шипованных колеса позволят внедорожнику выехать обратно, но позади него, загородив дорогу, уже стоял джип.

⁹ Американский триллер 1972 г. (Реж. Стивен Спилберг.)

– Сидите смирно, девочки! – приказала она шепотом.

– Мам, смотри... этот дядя хочет нам помочь, – нерешительно произнесла Эмили.

Клеманс обернулась и с ужасом увидела, что из джипа действительно выбрался водитель. Несмотря на слепящий свет фар, она без труда узнала могучую фигуру Этьена.

– Сидите смирно! – повторила она, чуть громче.

Она сделала глубокий вдох, пытаясь преодолеть свой страх. Этьен остановился рядом с ее окном и постучал в стекло.

– Клеманс!

– Ты его знаешь? Это кто? – с интересом спросила Эмили.

– Это кто? – эхом повторила Жюли.

– Клеманс, с тобой все в порядке, бедняжка моя?

Вместо ответа она кивнула, не глядя на него.

– Ку-ку, детки! – окликнул Этьен и прижался лицом к стеклу, стараясь разглядеть девочек, которые забились в дальний конец сиденья, подальше от него.

– Давайте, выходите-ка все! Я отвезу вас домой!

И он нажал на ручку дверцы, пытаясь ее открыть.

– Клеманс, у тебя все дверцы заблокированы. Нажми на кнопку, слышишь? Я могу отвезти вас в шале, а там ты уж вызовешь техпомощь, чтобы вызволить машину, потому что, я думаю, сама по себе она отсюда не выедет. Ты промахнулась на этом выраже...

Он орал во всю глотку, чтобы его слышали в машине, и

девочки закрыли уши руками.

А Этьен безрезультатно дергал за ручку дверцы и наконец разъяренно грохнул кулаком по крыше «тойоты».

– Ну, хватит валять дурака, Клеманс, выходи живо!

Теперь тон сменился: Этьен уже приходил в ярость. Клеманс чувствовала, как по ее спине стекает пот и пуловер прилипает к коже. Ужас мешал ей рассуждать здраво.

– Мааам... – захныкала Эмили.

Жюли тоже заплакала и прижалась к сестре. Клеманс безрезультатно пробовала вернуть к жизни заглухший мотор, а Этьен снаружи разразился хохотом.

– Никуда ты не поедешь, дурья башка, тебе и с места не сдвинуться! Так что давай выбирайся из машины и девчонок захвати – я, так и быть, довезу вас домой.

– Мам, как ты думаешь, он злой? – шепнула Эмили.

– Я ему не доверяю, дорогая. И пока мы находимся в машине, нам ничего не угрожает.

На самом деле Клеманс была в этом не очень уверена. Она чувствовала себя беспомощной, неспособной что-либо придумать. Господи, ну хоть бы по этой дороге проехала какая-нибудь машина! В конце концов кто-то же здесь появится, и тогда она начнет сигналить и включит аварийные огни... Можно, конечно, вызвать по телефону жандармов, но что она им скажет? Что какой-то подозрительный тип хотел вызволить ее из затруднения? Этьен ведь не угрожал ей – наоборот, предлагал свою помощь! И, конечно, изобразит пе-

ред жандармами эдакого сердобольного водителя, а ее выставит на посмешище.

Но тут Клеманс вздрогнула: машина затряслась оттого, что Этьен яростно пинал колеса.

– Ты застряла в кювете, идиотка! Если я сейчас уеду, ты рискуешь проторчать тут всю ночь и сдохнуть от холода вместе со своими сопливками!

Он уже орал вовсю, рассчитывая взять ее на испуг и заставить выйти.

Клеманс трясущейся рукой схватила мобильник. Пускай она покажется смешной, тем хуже, но ей нужна помощь.

– Мам, смотри, – машина едет!

Автомобиль, выехавший из-за поворота, едва не задел джип и отлетел к противоположной обочине. Клеманс тут же нажала на клаксон, а Эмили возбужденно выкрикнула, прямо ей в ухо:

– Это Виржил, мама! Это машина Виржила!

И точно: Клеманс с невыразимым облегчением увидела, как из «ренджровера» выбирается Виржил, натягивая на ходу теплую куртку. Этьен обернулся, и мужчины посмотрели друг на друга.

– Какие-то проблемы? – осведомился Виржил. – Вы столкнулись?

Потрясенная Клеманс разблокировала свою дверцу и поспешно вышла из машины. А Этьен уже начал с широкой улыбкой разъяснять ситуацию:

– ...и я просто хотел ей помочь, а она бог знает почему испугалась меня, и тогда...

– Ты преследовал меня с самого Гапа! – прервала его Клеманс. – И слепил фарами до тех пор, пока я не потеряла контроль над машиной!

– Да нет же, я просто хотел тебя обогнать, вот и все, потому что ты еле тащилась и к тому же по самой середине шоссе. А что касается потери контроля, так ведь ты же сама врезалась в сугроб, разве нет?

– Я вижу, вы знакомы? – прервал его Виржил, разобравшись в ситуации. – Вас, кажется, зовут Этьен, так ведь?

– Точно! А вы?..

– А я – друг семьи.

Этьен устремил вызывающий взгляд на Виржила, и облегчение Клеманс тотчас сменилось новым приступом страха. Что, если они подерутся... и чем это закончится?

– Мы загородили всю проезжую часть, – сказал Виржил, пристально глядя на Этьена. – Не стоит провоцировать новые ДТП. Вы можете ехать, я сам займусь машиной Клеманс и провожу их до нашего дома.

Этьен поколебался, потом бросил последний взгляд на Клеманс и пробурчал:

– Ну, как угодно... Только имейте в виду, в следующий раз, когда вы врежетесь в сугроб, я не остановлюсь и помогать не стану!

Злорадно расхохотавшись, он сел в свой джип и, рванув с

места, чуть не проехал по ногам Виржила, – тот едва успел отступить. Клеманс кинулась в объятия Виржила; ее бил озноб, она с трудом сдерживала истерические рыдания.

– Давай-ка садись в машину, а то простудишься, – мягко сказал он.

Из заднего окна «тойоты» выглядывали двойняшки, посылавшие Виржилу воздушные поцелуи. Он усадил Клеманс на пассажирское место, сам сел за руль и осторожно попробовал дать задний ход. Сначала колеса вращались вхолостую, но после нескольких неудачных попыток машина все же тронулась с места. Наконец они выехали на шоссе, и Виржил ободряюще улыбнулся Клеманс.

– Ну как, сможешь вести сама? Поезжай за мной следом до самого шале. Это займет всего пару минут...

И он обернулся к девочкам, которые с радостным смехом возились на заднем сиденье.

– А ну-ка, спойте что-нибудь веселенькое, чтобы ободрить маму!

Двойняшки, не сговариваясь, в один голос затянули песенку, недавно выученную в школе. Успокоенный этим дружным веселым дуэтом, Виржил уступил Клеманс водительское место, а сам направился к своему внедорожнику.

Этьен произвел на него гнетущее впечатление, – наглый, упертый тип; он, конечно, преследовал Клеманс, но с какой целью? Ведь не собирался же он ее похитить! Может, просто хотел напугать? Или готовил какую-то запоздалую месть?

Сегодня вечером Клеманс могла попасть в серьезную аварию вместе с девочками в машине, запаниковав на этой обледенелой дороге. Если бы он, Virgil, в силу исключительных обстоятельств, не возвращался домой раньше обычного, кто знает, что с ними стряслось бы?! Да, видимо, придется все же попросить жандармов проследить за Этьеном. Но будет ли это достаточно обоснованно? Обе его встречи с Клеманс имели объяснение: первая – зайти повидаться, вторая – предложить помощь на дороге, – в общем-то, ничего угрожающего. Он вполне мог заявить, что бывшая супруга жалуется на него без всякой веской причины.

Вернувшись в шале, Virgil сварил для всех какао, посидел с Клеманс, пока она окончательно не успокоилась, и только потом поднялся на второй этаж, в маленький кабинет Филиппины. Ему очень не хватало ее. И тем не менее именно ее отсутствие позволяло Virgilу беспристрастно анализировать их отношения. Ему никак не удавалось серьезно обсудить их с ней, она избегала этого разговора, откладывая его «на потом». Всегда «на потом». Но до каких же пор? Шли годы, а в их совместной жизни не наблюдалось никаких перемен. Филиппина как раз и ценила это беззаботное существование, тогда как он находил его абсолютно бесцельным. Жить беспечно, как птицы небесные, – нет, его это больше не устраивало.

Зато в этом шале Virgil обрел идеальное место для жизни. И хотя он вполне серьезно предложил Люку продать дом,

если понадобится, для него это стало бы настоящим горем. Они с Люком вложили столько труда – и при этом чисто мальчишеского веселья – в отделочные работы, которые занимали все их выходные в течение целого года, они навеки сроднились с этим местом. И с тех пор жили здесь, в самом сердце горного края, в идеальном согласии, наслаждаясь прелестями каждого времени года и сознавая, как им повезло. Жизнь в другом месте была бы жалкой и унылой, так же как и разлука с другой парой. Но теперь, когда над Клеманс нависла такая опасность, прежняя ситуация стала уже неприемлемой. Да... если Этьен вознамерился отравить им существование, он почти достиг своей цели!

Но тут легкий стук в дверь прервал мрачные размышления Виржила.

– Не помешаю? – спросил вошедший Люк.

– Нет! Заходи...

Как правило, никто из них никогда не вторгался на соседнюю территорию, и у Люка должны были быть серьезные причины, чтобы явиться к Виржилу, да еще в «святая святых» – кабинет Филиппины.

– Как же нам повезло, что ты сегодня ехал домой раньше обычного!

– Да, нашему пациенту внезапно стало хуже, и операцию отложили в последний момент. А так как в расписании больше ничего не было, я и уехал. Ты прав, действительно повезло...

Люк кивнул и нервно заходил по комнате. Его мрачный вид ясно говорил о том, как он озабочен.

– Даже не представляю, чем бы это кончилось, если бы ты не успел, – сказал он наконец.

– Не знаю. Наверно, ничем хорошим.

Они снова замолчали, потом Virжил предложил:

– Хочешь, давай завтра утром перед работой съездим вместе в жандармерию. Нужно четко разъяснить им ситуацию. Только, к сожалению...

– Да, я понимаю. Этьен хитер, он никогда не признает свою вину и на все найдет ответ.

– И тем не менее хорошо, если бы они его вызвали. Может, тогда он поймет, что нельзя безнаказанно делать гадости.

Люк перестал метаться по комнате и подошел к Virжилу.

– Завтра приезжают мои родители, – объявил он. – Они обещали возить девочек в школу и забирать их оттуда. А я буду провожать Клеманс утром и вечером – в парикмахерскую и обратно. Вот так мы все и организуем.

– Прекрасно.

– Да, но ведь это временная мера.

– К сожалению. Слушай, ты не мог бы сесть? А то у меня от твоей беготни уже голова кружится.

Люк плюхнулся в кресло напротив Virжила и посмотрел ему в глаза.

– Я не знаю, что делать и как реагировать, – признался он. – Слушай, а может, стоит нанять каких-нибудь крепких

парней, чтоб задали этому типу хорошую взбучку? Вдруг он испугается и оставит нас в покое?

– Плохая идея. И, кроме того, нереальная.

– Возможно. Но от того, что произошло сегодня вечером, меня прямо в дрожь бросило. Ты пойми: в Клеманс вся моя жизнь!

– Я понимаю, Люк.

– Нет, ты даже представить не можешь, старина! У вас с Филиппиной всё совсем иначе – просто приятная связь, долгая, но всего лишь связь, ничего общего с нашей историей. А я только и начал жить, когда познакомился с Клем, и, на свое счастье, до сих пор безумно люблю ее. Ты вспомни, как я ее добивался, – прямо с ума сходил! Готов был на край света за ней пойти, хоть в глухую пустыню, хоть на Северный полюс. А после свадьбы, которая нас соединила, и после рождения девчонок полюбил еще крепче. И поэтому сделаю все на свете, чтобы ее защитить. Чтобы их защитить, всех трех. От одной мысли, что близняшек кто-то мог напугать, я просто схожу с ума. Мне стыдно, что меня там не было и что это ты, а не я, вступился за них!

– Да ладно, все в порядке, успокойся.

Прошло несколько минут неловкого молчания, и Люк добавил:

– Прости. Мне не следовало так говорить о вас с Филиппиной.

– Ничего страшного. На самом деле все так и есть.

– Но не мне об этом судить.

– А почему бы и нет? Я готов признать, что, как ни хотел, так ничего и не добился от Филиппины. И очень сожалею об этом, поверь мне! Поэтому всегда завидовал вашей паре, Клеманс и тебе. Я знаю, что Филиппина назвала бы такую любовь «классической» – иными словами, устаревшей. Она все еще считает себя юной, и мысль о том, что пора остепениться, приводит ее в ужас.

– Даже так?

– Даже так, и я очень боюсь, что мы ни к чему путному не придем.

Виржил вздохнул, встал и, обогнув письменный столик, присел на его край, лицом к другу.

– Ты подумал над моим предложением?

– Продать? Да...

Люк сидел, невидяще глядя перед собой, и Виржилу пришлось хлопнуть его по плечу, чтобы встретиться с ним взглядом.

– Ну и?..

– Честно говоря, не знаю, как быть. Я, конечно, посоветуюсь с риелторами, наведу справки. В первую очередь, нужно определить нынешнюю стоимость шале, сделать расчеты, узнать, какое жилье мы сможем приобрести в городе.

Люку было явно не по себе, хотя он и заставил себя сформулировать вслух возможность расставания с шале. Теперь следовало обдумать это более конкретно.

– Такое решение чревато многими последствиями, – прошептал он. – Я полагаю, ты не захочешь оставить шале за собой?

– Это невозможно, оно слишком велико для нас двоих.

– *Сейчас* велико. Зато когда у тебя будут детишки... Я ведь знаю, как ты хочешь этого.

– Увы, я не смогу произвести их на свет один, – ответил Виржил, чуть суше, чем хотелось бы.

Люк помолчал несколько минут, потом спросил:

– И куда же ты денешься, если мы продадим шале?

– Найду что-нибудь поближе к больнице.

– Только не слишком далеко от нас.

– Ну, это само собой...

– А как к этому отнесется Филиппина? Ей же так нравилось жить в уединении в горах.

– Мы все это обсудим вместе, Люк. Каждый выскажет свое мнение, а потом уж будем решать. Что касается меня, я приму твой выбор, каким бы он ни был.

Перспектива расстаться с шале была для них тяжким испытанием: только в эту минуту они ясно осознали, что могут потерять.

– Филиппина вернется только в конце недели, – добавил Виржил. – Она, конечно, выскажет свое мнение, но не забудь, что с финансовой точки зрения она не может участвовать в обсуждении вопроса о продаже. А теперь пойдем вниз, мне необходимо выпить.

– Чтобы оправиться от пережитых волнений? – с усмешкой спросил Люк.

– А как ты думаешь?! Стычка с таким типом вполне способна выбить из колеи. Честно говоря, мне было бы не под силу сладить с ним, он вполне способен отправить меня в нокаут.

– Типун тебе на язык, еще накличешь...

Виржил бросил последний взгляд на стол, где было разложено множество раскрытых книг и материалов с пометками на полях. Он зашел сюда просто для того, чтобы подумать, и ни к чему не притронулся. Когда Филиппина вернется, она все найдет здесь в том же порядке, в каком оставила. Выключая свет, он спросил себя: интересно, чем она занята сейчас в Париже, думает ли о нем?

– А ты читаешь то, что она пишет? – спросил Люк, заметивший, куда он смотрит.

– Когда она мне предлагает, читаю. Но все это слишком сложно для меня, я ведь никогда не был большим любителем филологии. Ты, наверное, помнишь мою отметку за выпускное сочинение?

И они дружно расхохотались в один голос, на минуту забыв о своих заботах.

В следующие пару дней не случилось никаких происшествий. Вероника и Кристоф, родители Люка, приехали на неопределенный срок и теперь с явным удовольствием занимались внуками. Кристоф, в прошлом маляр, сохранил бы-

лую физическую мощь, и его нисколько не пугала перспектива встать на защиту девочек. Виржил был очень рад повидаться со стариками, как и во всякий их приезд, и теперь благодаря им в шале царила, несмотря ни на что, радостная атмосфера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.